

Ложь, латте и легинсы

Автор:

[Лорен Вайсбергер](#)

Ложь, латте и легинсы

Лорен Вайсбергер

Дьявол носит Prada #3

Роскошный дом в элитном пригороде и муж-миллионер...

Мечта любой женщины... И бесконечная рутина: дети, кофе, подруги, пробежки...

Соседки? Красотки-домохозяйки, не интересующиеся ничем, кроме брендов, пластических операций и «уколов красоты»!

Светская жизнь? Сплетни на вечеринках, смертная скука и алкоголь прямо с утра, чтобы как-то продержаться до вечера!

Семейное счастье? Слежка за мужем, так и норовящим променять верную супругу на какую-нибудь симпатичную няню-студентку!

Лорен Вайсбергер

Ложь, латте и легинсы

Lauren Weisberger

WHEN LIFE GIVES YOU LULULEMONS

© Lauren Weisberger, 2018

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Моей семье с любовью

Часть I

Глава 1. Снова нацистская форма?

Эмили

Эмили перебирала в уме поводы для нытья. Тридцать первое декабря в Лос-Анджелесе – ей предстояла самая раздражающая ночь в году в самом раздражающем из городов, известных человечеству. И почему она никак не придумает, на что пожаловаться?

Эмили отпила коктейль, наблюдая, как движется в бассейне совершенное тело ее мужа – само по себе произведение искусства. Майлз вынырнул у подсвеченного бортика, где бирюзовая вода водопадом низвергалась через край. Позади на многие мили вокруг – сплошные огни. Они придавали городу заманчивый, даже влекущий вид. Лос-Анджелес прекрасен только по ночам. В

темноте растворялись смог, наркоманы и выматывающие пробки. Как будто сам Господь спускался на Голливудский холм и подбирал нелюбимому детищу лучший фильтр из «Снэпчата».

Майлз улыбнулся ей, и Эмили помахала в ответ. Он жестом поманил ее к себе, но она покачала головой. Было тепло не по сезону. Все вокруг веселились словно в последний раз. Что ж, все-таки конец года. Каждый как будто кричал: «Смотрите, как мне весело! Давайте безумствовать! Жизнь удалась!» В просторном джакузи засели около дюжины таких весельчаков, у каждого в руке по бокалу. Остальные примостились на бортиках, опустив в воду ноги и дожидаясь, когда кто-нибудь вылезет. Диджей за пультом играл хип-хоп ремиксы, а гости повсюду – во внутреннем дворике, в воде, на бортиках бассейна и на лужайке возле дома – весело двигались в такт музыке. В шезлонге слева от Эмили девушка в одних купальных трусиках, сидя верхом на парне, разминала ему плечи. Ее голая грудь свободно болталась в воздухе. Девушка переместилась пониже и яростно принялась массировать ягодички. Ей было года двадцать три, самое большее – двадцать пять. Пусть фигура ее далека от совершенства – круглый животик и чересчур пышные бедра, – но руки и шея были подтянутыми: ни дряблости, ни морщин. Одна только молодость и ни единой приметы возраста, не то что на тридцатишестилетнем теле Эмили. У той на бедрах уже появились растяжки, кое-где кожа немного обвисла, в зоне бикини торчали несколько волосков, которые все время появлялись, несмотря на регулярную эпиляцию. Конечно, ничего ужасного – она по-прежнему смотрелась стройной и загорелой, возможно, даже сексуальной в стильном раздельном купальнике от «Эрес», но с каждым годом это давалось все труднее.

На телефоне высветился незнакомый номер.

– Эмили? Это Элен. Вы меня, наверное, не помните. Пару лет назад мы познакомились на благотворительном балу в Метрополитен-музее.

Эмили сосредоточенно смотрела в небо, силясь вспомнить звонившую. Имя казалось смутно знакомым. В трубке повисло молчание.

– Я – менеджер Риззо.

Как интересно! Риззо – новый Джастин Бибер, восходящая поп-звезда и просто красавчик. Его имя прогремело два года назад, когда парню было всего

шестнадцать. Он стал самым юным обладателем «Грэмми» в номинации «Альбом года». Точно – когда Элен переехала в Голливуд, то поступила на работу в кастинг-агентство, то ли «Ай-си-эм», то ли «Индейвор». Но как она пропустила новость о том, что теперь работает на Риззо?

– Да-да, конечно! Как дела? – Эмили посмотрела на часы. У Элен явно что-то важное.

– Прости, что поздно. В Нью-Йорке сейчас четыре утра, но ты ведь, наверное, в Лос-Анджелесе? Я тебя не отвлекаю?..

– Все нормально, я в особняке Джиджи Хадид. Еще трезвая. Что случилось?

Раздался пронзительный визг. Две девицы взялись за руки и сиганули в бассейн, обдав брызгами Майлза и его приятелей. Эмили закатила глаза.

– Слушай, разговор же только между нами?

– Конечно, – ответила Эмили, а сама подумала: «Начало многообещающее».

– Я сама не до конца понимаю, что произошло. Риз выступал сегодня у Райана Сикреста на шоу на Таймс-сквер. Все прошло отлично, просто как по маслу. Потом я ушла на встречу с подругой из колледжа, а Риззо поехал на вечеринку в клуб «1 ОАК». Вроде трезвый был. Радовался, что удачно выступил.

– Ага...

– А сейчас коллега из нью-йоркского офиса агентства «Ай-си-эм» прислал мне фотку с вечеринки.

– И что там?

– Ничего хорошего.

– Риззо лежит пьяный? Целуется с парнем? Нюхает кокаин? Лапает малолетку?

Элен вздохнула и что-то сказала, но ее голос потонул в диком смехе. Розововолосая девица в крошечных стрингах взгромоздилась на плечи Майлза. Они затеяли шуточную битву с другой двухэтажной парочкой.

– Прости! Повтори, пожалуйста. Тут настоящий хаос. – Эмили замороженно смотрела на крошечный треугольник ткани между голых ягодичек, удобно устроившихся на плечах у ее мужа.

– Он явился в нацистской форме.

– В чем?

– Со свастикой на рукаве, в бандане и берцах. Короче, при полном обмундировании.

– О господи!

– Все настолько плохо?

– Да уж, нехорошо. Сто лет назад принц Гарри тоже выкинул нечто подобное. Ладно, будем работать с тем, что имеем. Хотя, скажу честно, лучше бы мальчишки или наркотики.

Девица на плечах Майлза завела руку за спину, развязала бретельки, стянула с себя лифчик и принялась им крутить над головой, как лассо.

– Рассказывай с самого начала. Кому об этом известно?

– В интернете пока ничего нет, но это пока.

– Давай сразу проясним – ты звонишь, чтобы нанять меня, правильно?

– Конечно.

– Ладно. Значит, так: пиши коллеге, пусть отведет Риззо в уборную и заставит снять форму. Наденьте на него что угодно, хоть золотые стринги, как у Бората,

все лучше.

– Да, уже позвонила. Он отдал Ризу свою рубашку и туфли, повязку со свастикой отобрал. Тот остался в своих штанах. Они ярко-красные. Не супер, конечно, но ничего лучше мы не придумали. Тем более самому Ризу я никак не дозвонюсь. Кто-нибудь его фотку сейчас запостит, чует мое сердце.

– Это точно. Слушай, план такой: садись в такси, езжай на вечеринку и вытащи его оттуда. Возьми еще девчонку или двоих, будет выглядеть убедительнее. Отправляйтесь к Риззо, закройте в квартире и не выпускайте его. Хоть под дверь охраняй, если понадобится. Ты знаешь его пароль? Ладно, забудь. Просто телефон у него отбери. Урони в унитаз, что хочешь сделай, лишь бы он спяну в «Твиттер» чего-нибудь не накропал. Нам надо потянуть время.

– Поняла.

– Первый рейс в Нью-Йорк в шесть утра. Я только домой заеду, вещи захвачу и сразу в аэропорт. Скандал начнется, когда я буду в самолете, а может, и раньше. Никому ничего не говори, слышишь? Никаких заявлений. Следи, чтобы он тоже ни с кем не разговаривал. Ни с разносчиком пиццы, ни с кем. Не выдавайте никакой информации, ясно? Что бы ни случилось – ужасные фотки, гадкие комменты, а они будут, поверь мне! Ничего не делайте, пока я не прилечу.

– Спасибо! Я тебе по гроб жизни обязана.

– Бегом за Риззо! – велела Эмили, стараясь, чтобы голос не выдал того, что она знала наверняка: Элен лишится дара речи, получив счет за услуги, прерванный отпуск и перелет.

Она одним глотком допила коктейль, поставила бокал на стеклянный столик и поднялась, стараясь не глазеть на парочку по соседству, которая, похоже, решила заняться сексом.

– Майлз, дорогой! – позвала Эмили нарочито сладким голосом.

Ноль реакции.

– Майлз! Раздвинь ей ноги пошире на полминутки, а то ты ничего не слышишь! Мне пора ехать!

Эмили с удовольствием отметила, что муж тут же спихнул с себя девицу и поплыл к ней через весь бассейн.

– Ты ведь не злишься, милая? Это просто глупая девчонка.

– Конечно, не злюсь. Еще чего не хватало. Если решишь мне изменить, точно найдешь что-то получше, чем это. – Она кивнула на раздосадованную девицу с намокшими волосами. – Мне позвонили из Нью-Йорка. Нужно срочно уладить один вопрос с Риззо. Я домой за чемоданом. Думаю, успею на самолет в шесть утра. Когда приземлюсь, позвоню.

Не в первый раз рабочие звонки Эмили нарушали все их планы. Ее подруга-хирург говорила, что со срочными вызовами на работе у Эмили даже похлеще, чем у нее. Но Майлз все равно казался удивленным.

– Сегодня же Новый год. Разве в Нью-Йорке некому все разрулить?

Он ужасно расстроился. Эмили стало его жаль.

– Прости, дорогой. Слишком сложное дело, не могу пустить на самотек. Оставайся тут и повеселись как следует. Только держи себя в руках, – добавила она, чтобы порадовать Майлза. Эмили ни капли не беспокоилась о том, что муж натворит глупостей. Она наклонилась и наспех поцеловала его в мокрые губы. – Я позвоню.

Эмили пробралась через толпу к выходу из дома. Симпатичный парковщик подозвал для нее такси и придержал дверцу. Она одарила его улыбкой и десятидолларовой банкнотой.

– Сначала заедем на бульвар Санта-Моника, там меня подождете, – сказала Эмили водителю, – а потом сразу в аэропорт. Пожалуйста, побыстрее.

Ее ждал Нью-Йорк – первая и истинная любовь.

Глава 2. Жить мечтой

Мириам

Только вторая миля, а Мириам вот-вот задохнется. Сердце колотилось где-то у горла, и как бы глубоко она ни дышала, замедлить пульс не удавалось. Она взглянула на фитнес-браслет в тысячный раз за последние шестнадцать минут, переживая, что пульс за сто шестьдесят пять добьет ее. Что ж, станет единственной женщиной во всем Гринвиче, да и, пожалуй, на всем белом свете, которая упала замертво, пробежав – ну, если уж начистоту, то пройдя – одну разнесчастную милю за целых шестнадцать минут.

Но ведь она сделала первый шаг, это главное! Блогеры, которые проповедуют ЗОЖ, и авторы книг по мотивации твердят на все лады, что главное не победа, а участие. «Не судите себя. Если вы в деле, это уже шаг к победе. Не стремитесь сразу же стать идеальной, просто начните!»

– Придурки! – буркнула Мириам.

В морозный воздух вырвалось облачко пара.

Пробежка в семь утра первого января – никакой не шаг к победе, это чертов триумф!

– Доброе утро! – слева пробежала девушка, испугав Мириам чуть ли не до сердечного приступа.

– Привет, – выдохнула Мириам вслед грациозной лани. Девушка была вся в черном: легинсы «Лулулемон» с сетчатыми вставками – адски холодно даже на вид, – короткая дутая курточка, кроссовки «Найк» и симпатичная шапка с помпоном. Бесконечно длинные ноги и крепкая попа – ничего лишнего. А вот Мириам однажды села на щетку для волос, а потом щетка встала вместе с ней – застряла в складке под левой ягодицей.

Она перешла на шаг. Не успела Мириам восстановить душевное равновесие, как на противоположной стороне улицы показались две спортсменки в шикарных беговых костюмах. Та, что в розовой куртке, вела на поводке золотистого ретривера, а другая, в спортивном костюме камуфляжной расцветки, – шоколадного цвета лабрадора. Все четверо словно сошли с рождественской открытки и бодро двигались вперед.

– С Новым годом! – крикнула хозяйка ретривера.

– И вам того же, – буркнула Мириам, радуясь, что незнакома с ними.

Не то чтобы у нее появилось много друзей за те пять месяцев, что их семья провела в Гринвиче. Близнецы пошли в подготовительный класс, Бенджамин отправился во второй. В школе Мириам здоровалась с парочкой родительниц, но больше никого здесь не знала. Пол утверждал, что во всех состоятельных пригородах быт устроен одинаково – люди по большей части сидят дома. У них в особняках есть все, что нужно, – спортзал, кинотеатр, винный погреб и дегустационный столик. С детьми занимаются няни, а потому нет нужды в игровых площадках. По магазинам ходит прислуга. Да, здесь все на свете делает обслуживающий персонал – стрижет газон, чистит бассейн, меняет лампочки.

В прихожей чувствовался аромат дымящихся поленьев. Мириам заглянула в гостиную, убедиться, что муж предугадал ее желание погреться у камина. Больше всего в пригородной жизни ей нравилось именно это – затопленный камин по утрам. Промозглый день сразу становился уютнее, а детские щечки – румянее и прелестнее.

– Мамочка дома! – Пятилетний Мэтью, страстный любитель оружия, влез на спинку дивана и скакал по ней, размахивая игрушечным мечом.

– Мама, а Мэтью не дает мне с мечом поиграть! А ты говорила, надо делиться! – пожаловалась на брата-близнеца Мэйси. Она всегда залезала под стол, когда дулась.

– Мам, скажи свой пароль, я одну игру куплю, можно? – спросил Бенджамин, не отрывая глаз от айпада.

- Не скажу. И кто разрешал тебе брать мой планшет? Сейчас время для семьи!

- Ну, приложи палец! Пожалуйста! Джеймсон говорит, это самая крутая игра! Почему ему можно, а мне нельзя?

- Потому что его мама добрее меня! - Мириам исхитрилась чмокнуть сына в макушку, пока тот не успел увернуться.

Пол стоял у плиты в пижамных штанах и флисовой толстовке и переворачивал блинчики.

- Вот это да! Сильная у тебя мотивация!

Мириам невольно подумала, до чего же он красив, даже ранняя седина его не портила. Пол старше ее всего на три года, но из-за седины можно подумать, что на все десять.

Она ухватила себя за отвисшие бока.

- Вот моя мотивация!

Пол уложил последний блин на высокую стопку - по меньшей мере из дюжины таких же - и выключил плиту. Он подошел к жене и обнял ее.

- Ты прекрасна такой, какая есть, - сказал он на автомате. - Возьми блинчик.

- Ни за что! Зря я, что ли, целых двадцать минут на морозе убивалась?

- А блинчики готовы, да, папочка? Готовы? Готовы?

- Можно их сливками полить?

- И шарик мороженого сверху!

- С черникой не буду!

Дети, тараторя, уселись за стол. Мириам старалась не обращать внимания на бардак и думать о том, что у нее замечательный муж, и детям сейчас весело, однако это было непросто – стол в муке, повсюду брызги засохшего теста, на полу крошки от шоколадных чипсов и рассыпавшиеся ягоды черники.

– Кто-нибудь хочет фруктовый салат или йогурт? – поинтересовалась она, доставая и то и другое из холодильника.

– Нет! – ответило семейство в один голос.

«Я тоже», – подумала Мириам и полила салат йогуртом. Попробовав, она чуть не сплюнула в раковину – йогурт испортился, и даже сладкая клубника не спасала от гадкого привкуса. Она вытряхнула содержимое миски в мусорку и решила сварить яиц. Два раза откусила от цельнозернового хлебца – больше не смогла.

– От одного ничего не сделается, – сказала она себе под нос и ухватила с тарелки блин с шоколадной крошкой.

– Вкусно, правда, мам? Взбитых сливок? – спросил Бенджамин и потряс баллончиком.

– Давай!

Да пошло оно все! Пусть будет пример для дочери: еда нам никакой не враг, главное – умеренность. Никаких пищевых расстройств в этом доме!

Мириам закинула капсулу в кофемашину, и тут Пол произнес:

– Что за херня?!

– Папа, следи за языком! – воскликнула Мэйси точь-в-точь, как Мириам.

– А папа сказал плохое слово!

– Простите, – пробормотал Пол, не отрываясь от газеты, которую Мириам бросила на кухонный стол. – Дорогая, иди сюда.

- Сейчас. Тебе кофе сделать?

- Подойди!

- Что такое, пап? Что там в газете?

- Возьми еще блинчик, - предложил Пол дочери и протянул жене газету, указав на заголовок внизу первой страницы: «Пьяная мамаша за рулем. Жену сенатора остановили за вождение в нетрезвом виде. В машине было пятеро детей».

- Что за херня?!

- Мама! Ты сказала «херня»!

- Папа! Мама сказала плохое слово!

- Херня, херня, херня! - нараспев твердил Мэтью.

- Кто хочет посмотреть мультик? - спросил Пол. - Идите вниз! Бенджамин, поставь «Босса-молокососа»!

Дети шумно скатились по лестнице, и через несколько секунд в кухне воцарилась благословенная тишина.

- Не может быть! - воскликнула Мириам, разглядывая размытый снимок старой подруги.

Они познакомились в последний год обучения в Американской школе в Париже. Каролина работала моделью и учила английский, а Мириам туда пристроили родители-дипломаты. - Каролина бы никогда ничего подобного не натворила!

- Ну, вот написано черным по белому. Не прошла тест на трезвость, когда ее остановили. Под задним сиденьем валялись пустые бутылки. Она отказалась от медицинского освидетельствования. В машине было пятеро детей, среди них ее сын.

– И все равно не может быть. По крайней мере, не с той Каролиной, которую я знала.

– Когда ты с ней в последний раз разговаривала? Может, она изменилась. Они с мужем оба сейчас живут как на сцене. Такое непросто дается.

– Каролина целых десять лет была лицом «Л’Ореаль»! Она давно привыкла быть в центре внимания.

– Знаешь, жена сенатора и модель – все же разные вещи. Особенно после того, как Грэм включился в президентскую гонку. Там давление совсем другое.

– Наверное. Не знаю. Сейчас позвоню ей. Мне кажется, здесь что-то не так.

– Да вы же уже сто лет не общались, – Пол отхлебнул кофе.

– Какая разница! – Мириам почти кричала. Осознав это, она понизила голос: – Мы же знаем друг друга столько лет.

Пол, капитулируя, вскинул руки.

– Ладно, привет передавай. Пойду посмотрю, как там наши монстры.

После пяти гудков включилась голосовая почта.

– Привет, это Каролина. Я сейчас не могу разговаривать. Оставьте, пожалуйста, сообщение, я перезвоню, как только освобожусь.

– Лина? Это Мириам. Видела статью в газете, хотела поговорить. Не верю ни одному слову! Я же тебя знаю! Перезвони мне, как только прослушаешь, ладно? Обнимаю тебя, дорогая!

Мириам отключилась и уставилась на экран в надежде, что на нем сейчас высветится номер Каролины. Снизу донесся детский крик, и явно не из серии «ты меня достал» или «просто захотелось поорать». Она вздохнула. Надо спуститься и посмотреть, что случилось.

Год только начался, а уже столько всего навалилось. Мириам схватила с тарелки остывший блинчик. Все новогодние обещания отменяются! Так-то, две тысячи восемнадцатый, шах и мат!

Глава 3. Какая-то алкоголичка

Каролина

- Эй, Сири! Включи Ашера «Yeah», - раздался с заднего сиденья голос Гарри.

Сири согласно чирикнула:

- О'кей, проигрывается Ашер «Yeah».

В динамиках запульсировали басы. Мальчишки радостно загудели.

Каролина улыбнулась. Сроду бы не подумала, что вести внедорожник с оравой двенадцатилетних парней так весело. Хотя, конечно, они шумные и пахнут не сказать чтобы приятно. Вместе с тем они такие милые, смешливые и вежливые - по крайней мере, при ней старались не забывать о манерах. Хорошие дети из хороших семей. Каролина в который раз порадовалась переезду из Нью-Йорка - города поверхностных знакомств и приятелей-однодневок. В Бетесде у людей характер получше.

«Славный парень», - в тысячный раз подумала Каролина, бросив в зеркало взгляд на Гарри. С каждым днем он все больше походил на подростка - плечи стали шире, над губой вырос темный пушок, на щеках появились прыщи. И все же в нем оставалось еще много детского - он мог возиться с «Лего» столько же, сколько переписываться с друзьями. Гарри был общительным и уверенным в себе, как и его отец, однако мягче и чувствительнее. Когда они переехали в Бетесду, Гарри стал расспрашивать Грэма о своей покойной матери. Где они познакомились, что та читала, что чувствовала, когда вынашивала сына. А Грэм увиливал от разговоров, откладывал их на потом. «Вот дочитаю доклад. Лучше на выходных, когда будет больше времени. Нет, на каникулах, когда поедем

кататься на лыжах – знаешь, сынок, мама очень любила лыжи». Потом, потом, потом. Каролина не могла понять, что скрывалось за этими отмашками – лень или потаенная боль, однако Гарри нуждался в ответах. Она провозилась три дня, пока Грэм был на работе, а Гарри в школе – собрала старые фотографии, письма и записки. Радость Гарри, когда она вручила ему коробку с памятными вещами, оставшимися от матери, стоила потраченного времени. Каролина сказала, что мать есть мать, и это нормально – говорить о ней, помнить ее. Тогда подросший пасынок бросился ей в объятия – совсем как малыш, которого забрали из детского сада после долгого-долгого первого дня.

– Слушайте, – заговорил Николас, долговязый игрок в лакросс со взлохмаченными белокрысыми волосами. – Отец взял билеты на следующие выходные на «Редскинз» против «Иглз». Первый плей-офф! Кто с нами?

Мальчики взволнованно загудели.

– Mam, как думаешь, папа со мной ходит? – спросил Гарри.

– Билеты, кстати, недорого стоили, – добавил Николас.

Каролина вымученно улыбнулась, пусть ребята и не видели ее лица.

– Конечно, ходит, – солгала она и глянула в зеркало: понял ли Гарри по ее голосу или нет?

Ее муж обожал американский футбол, болел за «Редскинз» и, как действующий сенатор, мог бы позволить себе любые места на стадионе, однако он ни разу не ходил на матч вместе с сыном. Каждый год Грэм клялся Гарри и Каролине, что обязательно купит билеты в VIP-ложу, или слетает с сыном на важный матч, или возьмет с собой всех друзей Гарри, но потом всегда находил отговорки. Гарри вообще был на игре всего раз в жизни. Два года назад Каролина сжалась над ним и купила билеты. Мальчик скакал от радости, но Каролина знала, что лучше бы ему пойти вместе с отцом. Она по ошибке купила билеты на трибуну противника и, хоть очень старалась, никак не могла уследить за ходом игры и радовалась невпопад.

– Mam, – голос Гарри прервал ее мысли. – За нами едут копы с мигалками!

– Хм-м-м, – протянула себе под нос Каролина и глянула в зеркало. За ними ехали две полицейские машины. Первая почти уперлась им в бампер. – Ничего себе! Наверное, где-то что-то серьезное стряслось. Секунду! Уже уступаю.

Хорошо, что Гарри с ней. Каролина всегда переживала, если замечала неподалеку от дома машины каких-нибудь служб. Вдруг у них случился пожар? Но сейчас с Гарри все в порядке, он здесь, рядом, это самое главное. Каролина включила поворотник и аккуратно съехала с дороги. Она мысленно извинилась перед Крейнсами, которые жили от них через пять домов, – наверняка Каролина попортила колесами их прекрасный газон. Однако, к ее удивлению, полицейские не проехали мимо, а остановились за ней.

– Все, миссис Хартвелл, вы попались! – воскликнул один из приятелей Гарри по имени Стефан.

Мальчишки рассмеялись. И Каролина тоже.

– О, да! – хмыкнула она. – Гнала как безумная. Целых двадцать миль в час.

Она наблюдала в зеркало, как полицейские вбивали ее номера в планшет. «Отлично», – подумала она, на всех трех машинах в их семье стояли правительственные номера. Сейчас они пробьют их по базе и ее отпустят.

Странно, но полицейские, что подошли к водительскому окну, даже не улыбнулись.

– Мэм, это ваша машина? – спросила женщина.

Ее напарник стоял чуть поодаль и молча наблюдал за происходящим.

– Конечно, – ответила Каролина, раздражаясь из-за дурацких вопросов. Чья же еще, она ведь на ней едет! – Я что, скорость превысила? Развожу по домам друзей сына и...

– Ваши права и документы на машину, будьте добры.

Каролина внимательно посмотрела на сотрудницу патрульной службы. Та не шутила. Она вытащила из кошелька права, с облегчением вздохнула, обнаружив в бардачке свидетельство о регистрации.

– Послушайте... Если вы вдруг обратили внимание на мою фамилию... Вообще-то, я – жена сенатора Хартвелла, – Каролина ослепительно улыбнулась. Она старалась не злоупотреблять именем мужа, но ведь ее нечасто останавливали хмурые копы.

– Мэм, вы употребляли спиртное? – спросил полицейский.

Каролина забеспокоилась, мальчишки сзади тоже притихли. В голове мелькнуло воспоминание – час назад она откупорила бутылку немисливо дорогого каберне, которую Грэм купил где-то по случаю. Гарри с друзьями уплетали пиццу. Конечно, Каролина помнила о том, что их еще развезить по домам, поэтому налила себе всего полбокала. Может, даже меньше. Ей ведь даже выпить по-настоящему не хотелось, она открыла бутылку просто назло Грэму. До его прихода вино наверняка бы выдохлось. Он зазывал ее на вечеринку к друзьям на Манхэттен, а Каролина не захотела оставлять Гарри одного в Новый год. Она расстроилась, что муж пошел в гости без нее. Хотя и не удивилась.

Каролина продемонстрировала свою фирменную улыбку и посмотрела на полицейских самыми честными глазами.

– У меня же дети в машине! Конечно, я не пила! И скорость не превышала... Хотя вам виднее. Если превысила, прошу прощения.

При упоминании о детях полицейский зажег фонарик и заглянул в машину. Его не смутило, что свет слепил ребят. Каролина заметила, как они прищурились.

– Мам, что там такое? – с тревогой спросил Гарри.

– Все в порядке, дорогой. Наверное, кто-то что-то напутал. Пусть проверяют, если надо.

Полицейский махнул напарнице и показал на что-то в свете фонарика. Они обменялись многозначительными взглядами. Сердце у Каролины ухнуло вниз,

хотя волноваться вроде бы не о чем.

– Миссис Хартвелл, пожалуйста, медленно выйдите из машины, – сказала женщина.

– Что, простите? С какой стати мне выходить? Я даже пальто не надела...

– Выходите! – рявкнул полицейский.

Стало ясно – это не просто плановая проверка.

Каролина поспешно выпрыгнула из машины, оступилась, схватилась за дверцу, чтобы не упасть.

Копы снова переглянулись.

– Миссис Хартвелл, зарегистрировано опасное вождение и пустые бутылки из-под алкоголя на заднем сиденье. Прижмите руки к бокам и пройдите прямо по разделительной полосе футов двадцать. Наши коллеги перегородили проезд, так что встречных машин не будет.

– Подождите, что вы нашли в моей машине? Какие еще бутылки? – Каролина из последних сил сдерживала дрожь. – Что за бред! Если мой муж узнает...

Женщина-полицейский кивком велела ей пройти вдоль той самой улицы, где Каролина жила с семьей. Асфальт был мокрым от дождя. Каролина поежилась – она стояла на ветру в одной только тоненькой шелковой блузке. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться, и уверенно зашагала к дому. Если Каролина что и умела, причем лучше многих, так это ходить по подиуму. Только вот она не ожидала, что соседи распахнут двери, отдернут занавески и будут смотреть во все глаза, как ее проверяют на трезвость, словно какую-то алкоголичку, – и это на их чистой красивой улочке.

«Это что, миссис Лоуэлл? – Каролина заметила за белоснежной занавеской пожилую женщину. – Я и забыла, что она обещала зайти. Какой кошмар!» Щеки у нее запылали, несмотря на холод. Вероятно, она не заметила ямку в асфальте, потому что в следующую секунду споткнулась и чуть не упала.

– Нет, вы видели? – обратилась Каролина к полицейским. – Уже сто лет твердим муниципалитету, что надо дорогу отремонтировать.

Те вновь многозначительно переглянулись, не обменявшись ни словом. Мужчина подошел к Каролине и произнес:

– Мэм, вы арестованы по подозрению в вождении в нетрезвом виде. У вас есть право...

– Стойте, что? – Краем глаза она отметила, что Гарри прилип к стеклу и наблюдал за всей сценой. – Что значит арестована?

– ... хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. У вас есть право...

Какие знакомые слова. Они с Грэмом пересмотрели кучу детективов. А сколько раз ночами напролет она крутила один за одним выпуски «Закона и порядка», когда жила одна. Вот уж не думала, что услышит такие слова на самом деле. Что здесь творится? Может, ей все это снится? Только что она была самой обыкновенной матерью, везла по домам друзей сына, и вот ее под конвоем ведут к полицейской машине.

– Подождите! Сэр! Я же не могу вот так бросить детей!

Дверь захлопнулась, и Каролина осталась одна на заднем сиденье, отрезанная от всего мира толстым пуленепробиваемым стеклом.

Через динамик послышался голос полицейского:

– Моя напарница офицер Уильямс останется здесь и проследит, чтобы вашего сына и его друзей развезли по домам. А мы с вами едем в участок.

Он завел двигатель. Включилась сирена. Каролина не услышала, но прочла по губам, как Гарри звал ее: «Мам!» Он очень старался не разрыдаться. Она положила руку на стекло и произнесла одними губами: «Не волнуйся, все в порядке». Но Каролина знала, что он ее не видит. Мигалки и воющие sireны бесцеремонно нарушили тихий вечер. Машина тронулась. Ее увозили от сына.

– Как вы смеете? – крикнула она и только тогда заметила в углу огонек камеры.

Полицейский безразлично скользнул взглядом по зеркалу заднего вида. Никогда в жизни Каролина не чувствовала себя такой беспомощной и одинокой.

Ей разрешили позвонить только спустя два часа. «Это вообще законно?» – думала Каролина, стараясь держать себя в руках. Хорошо хоть, сотрудница патрульной службы зашла к ней и сказала, что друзей Гарри забрали родители и увезли по домам. Грэм не брал трубку, поэтому Гарри попросил полицейских связаться с бабушкой Элейн. Та отвезла его к себе. Хорошо, что с ним все в порядке, однако при мысли, что свекровь теперь посвящена во все случившееся, Каролину бросило в дрожь.

– Муж не берет трубку, – сказала она полицейскому, который дал ей телефон.

Тот заполнял за столом какие-то бумаги. Он пожал плечами, не поднимая глаз:

– Позвоните кому-нибудь другому.

– Как, по-вашему, кто еще в новогоднюю ночь помчится в участок меня забирать?

При этих словах полицейский оторвал взгляд от бумаг.

– Забирать? Прошу прощения, миссис Хартвелл, вы останетесь до утра.

– Вы серьезно? – Каролина была почти уверена, что он шутит.

– У нас строгое распоряжение. Всех, кого поймали за рулем в нетрезвом виде, задерживать как минимум на пять часов. А выпускают из участка у нас с семи утра до полуночи. Не повезло вам.

– Посмотрите на меня, я пьяна?

Полицейский был совсем молоденьким, ему бы даже пива без документов не продали. Его шею залила краска, но он ответил:

- Простите, мэ. Такие правила.

Каролина набрала второй из двух номеров, что знала наизусть. Она звонила Трипу, семейному адвокату и лучшему другу Грэма. Тот взял трубку после первого гудка.

- Лина? Откуда-откуда ты звонишь? - сонно переспросил он. Улегся, значит, еще до полуночи.

- Трип, повторяю еще раз: я в изоляторе окружной тюрьмы в Бетесде. Прости, что разбудила, но звонить больше некому. Грэм трубку не берет.

Трип с Грэмом познакомились еще студентами. Делили комнату в гарвардском общежитии, потом побывали свидетелями на свадьбах друг у друга и вместе крестили детей. Обычно Каролине ничего не стоило обратиться к Трипу - он был продолжением Грэма, еще одной парой ушей и глаз. Она любила его как брата, и Трип тоже довольно тепло к ней относился. Но сегодня Каролина даже не пыталась скрыть разочарование, что говорит с ним, а не с мужем.

- Пожалуйста, вытащи меня из этого ада, - прошептала она в трубку. - Они сказали, что продержат меня до утра, а я не хочу здесь сидеть!

- Спокойно. Сейчас я кое-кому позвоню и все выясню.

- Пожалуйста, поскорее!

То ли Трип не слишком торопился, то ли ничего не смог сделать, но он явился за ней только наутро к семи часам. Один. Без Грэма.

По ее лицу он все понял.

- Грэм хотел приехать, но я разубедил его.

Каролина неуклюже опустилась на пластиковый стул. Все тело ломало после ночи, проведенной на скамейке. Ее определили не в камеру, а в комнату наподобие зала ожидания, какие раньше устраивали в аэропортах.

- Трип, я ведь не дура. Я понимаю, что сенатору не к лицу ехать за женой в окружную тюрьму. Но мне бы все-таки хотелось, чтобы он приехал. Даже несмотря на эти соображения. - На глаза навернулись слезы. - Скажи, что происходит?

У Трипа зазвонил телефон. Он отключил звук, не глядя на экран.

- Лина, скажу честно. Дела обстоят хуже некуда.

- Уже поняла. Я вообще-то в тюрьме ночевала! И мне интересно, где мой муж?

Трип нахмурился.

- Лина...

- Ладно! Скажи для начала, где Гарри? Кто его в школу повез?

Трип смущенно кашлянул. Каролине стало почти жаль, что она спустила на него всех собак, ведь на самом деле она злилась на Грэма. Трип понурился.

- Он ночевал у Элейн.

- Он что, до сих пор там?

- Да, Гарри позвонил ей вчера, когда тебя арестовали. Конечно, журналисты уже пронюхали обо всем и окружили ваш дом. Элейн проехала мимо них. Она забрала Гарри к себе. Раз уж ваш дом осадили, лучше держать ребенка подальше от всего этого. По крайней мере, сейчас они до него не доберутся.

Каролина кивнула. Пусть она и недолюбливала свекровь, укрыть сына в ее доме - лучший вариант из возможных.

– Хорошо. А нам что дальше делать с этим кошмаром? Это же незаконное задержание! Надо подать иск!

Трип опять кашлянул.

– Да что происходит?

– Видишь ли, все не так просто...

– Что значит «не просто»? Что за бред?! Меня задержали за езду в пьяном виде, а я не пила! Даже если бы и пила – ну, допустим! – вообще-то, мой муж – сенатор Соединенных Штатов, у него связей побольше, чем у какого-нибудь подростка, и я уверена, если бы он хотел все разрулить, давно бы уже это сделал!

Из динамиков донесся искаженный голос, мимо них к выходу пронеслась сотрудница полиции.

– Лина, давай ты мне объяснишь, что случилось.

Только теперь, спустя много-много часов после первого потрясения, Каролина расплакалась. Она держалась во время ареста, выстояла даже тогда – хотя сама бы не подумала, – когда поняла, что за ней никто не приедет. Но участие Трипа – его доброе лицо, его забота, а ведь вместо него здесь должен быть ее муж, на этом она сломалась.

– Извини! Просто столько всего навалилось...

– Вы с Гарри куда-то ходили прошлым вечером?

– В смысле ходили? Вроде нет. Я выбегала в магазин часов в пять, купила мальчишкам чипсов. Гарри позвал четверых приятелей. Я заказала для них пиццу. Они играли в «Икс-бокс», или чем там сейчас подростки занимаются. Может, девчонкам по «Фейстайм» звонят? А потом... Зря я это сделала, но все же... В общем, я откупорила дорогушую бутылку каберне из запасов Грэма! Я налила себе полбокала. Больше я пить и не собиралась, но было в этом какое-то удовольствие – сунуть едва начатую бутылку в холодильник. Еще подумала, что Грэма удар хватит. Сделала ему назло... Но это все – только полбокала.

– Ладно, а потом что?

– Ничего! Мальчишки умяли целый торт-мороженое, за секунду, представляешь? А где-то в полдесятого мы сели в машину. Я даже мили не проехала! Нас тормознули у дома Билли Поста. Откуда ни возьмись сразу две машины – мигалки, сирены, – будто правда что-то случилось. Я съехала на обочину, чтобы их пропустить, а они мне в окно постучали.

Трип кивнул, словно Каролина пересказывала то, что он уже знал.

– И что они сказали?

– Спросили, пила я или нет. Я сказала, что нет, конечно. Они заявили, будто я неаккуратно вела машину! Но это полная чушь! Я еле ползла, там ведь жилой район!

– Они обнаружили несколько пустых бутылок из-под шампанского на полу, – тихо сказал Трип, глядя на свои руки.

– Быть такого не может! Я вообще шампанское не люблю! И Грэм тоже! У нас от него голова болит... – Каролина замолчала.

Что, если это мальчишки? Она задумчиво почесала нос. Возможно такое? Двенадцать – вроде бы рановато. Или она обманывала сама себя, думая, что Гарри никогда и пробовать не станет? Нет, она знает своего ребенка. Конечно, когда парень подрастет, ему не избежать всех этих подростковых приключений, но пока у него в голове ничего подобного нет. Даже если она тешит себя иллюзиями и мальчишки пробрались в винный погреб, вряд ли пять двенадцатилетних пацанов сумели бы открыть бутылку шампанского, не говоря уже о том, чтобы распить ее так, что она ничего не заметила. Каролина еще раз подумала о вчерашнем вечере. Нет, и Гарри, и ребята были такими же, как всегда – шумными, но трезвыми.

– Я понятия не имею, как бутылки там оказались.

Трип накрыл ее руку своей, это успокаивало.

– Мне очень жаль, Лина, но придется непросто.

От нотки сочувствия в его голосе из глаз Каролины вновь хлынули слезы. Наверняка на щеках остались черные потеки от туши. Черт с ними, после ночи в тюрьме она все равно похожа на чучело.

– Слушай, еще один странный момент. Они притащили меня сюда и даже не дали в трубку дыхнуть, закрыли в камере на ночь. На каком основании? Из-за пустых бутылок в машине? Это вообще законно?

У Трипа вновь зазвонил телефон. Каролина поразились тому, с какой яростью он нажал на отбой.

– Полицейские сказали, что ты сама отказалась дышать в трубку. И от анализа крови. По законам Мэриленда любой, у кого есть водительские права, автоматически дает согласие пройти освидетельствование. Того, кто отказывается, берут под арест.

– Что за бред!

– Лина, я – корпоративный юрист, сама знаешь. Криминальное право не по моей части, но я посоветовался с коллегой перед тем, как приехать.

– Я не о том! Что за бред, что я отказалась! Наоборот, я почти умоляла дать мне дыхнуть в эту чертову трубку! Все бы сразу разрешилось, если бы...

– Лина, мы с Грэмом привлечем к этому делу лучших людей. Главное – сохранять спокойствие, и я уверен, что мы во всем разберемся...

Она его не слышала. Ее голову заполнили мысли о том, что за всем этим последует. Каролина живо представила заголовки: «ЖЕНА СЕНАТОРА, БЫВШАЯ СУПЕРМОДЕЛЬ, ПЬЕТ ЗА РУЛЕМ, РАЗВОЗЯ ДЕТЕЙ». Конечно, пресса раздует скандал, и все тут же поверят, что она на такое способна. А Гарри! Больше всего ее волнует Гарри. Если уж на то пошло, подростки должны стесняться мачехи потому, что она косо смотрит на рваные джинсы, а не потому, что ездит пьяная.

Нахлынуло новое чувство, да так сильно, что Каролина сама удивилась. В ней пробудилась злость к мужу – какая-то первобытная, стало трудно дышать. Как они докатились до такого? Ее целую ночь держат в камере, а муж – спутник жизни – посылает вместо себя друга. Нет, это неправильно. Что-то идет не так, что-то вышло из-под их контроля. Да, в последнее время они немного отдалились друг от друга, она уже не чувствовала прежней связи. Вся близость куда-то испарилась. Может, он опять ей изменяет? Только ведь это Грэм, человек, который сделал все, чтобы обеспечить финансовую стабильность ее многочисленной семьи. Он по десять раз на день твердил, как она прекрасна. Каролина как сейчас помнила их свадьбу – все до мельчайших деталей. В тот день внезапно пошел дождь, и они укрылись под пышным виноградником. Капризы погоды испортили бы праздник любой паре, только не им. Они едва замечали грозу – танцевали обнявшись и смеялись! А потом Каролина сидела за столом и наблюдала за сильным, красивым мужчиной, который стал ее мужем. Он благодарил гостей за то, что разделили с ними этот день. Когда Грэм обернулся к ней и протянул руку, на его глазах были слезы. Как искренне, сердечно он говорил, поднимая тост. А теперь вот так.

Трип все говорил. Объяснял что-то про прецеденты. На Каролину внезапно навалилась усталость. И печаль, и унижение, и одиночество – все сразу.

– У меня больше нет сил, – сказала она, утирая вновь набежавшие слезы. – Подвезешь меня к Элейн, я заберу Гарри?

– Конечно. Пойдем отсюда.

До Арлингтона, где жила свекровь Каролины, они ехали в полном молчании. Едва Каролина вышла из машины, Трип умчался прочь.

– Каролина, – кивнула ей свекровь с кислым видом.

– Здравствуйте, Элейн. Спасибо, что присмотрели за Гарри, – натужно поблагодарила она, затем бросила пальто на скамеечку в холле и без приглашения прошла в кухню.

– А кому еще за ним присматривать? Родителям остальных мальчиков тоже мне пришлось звонить.

- Ну, да. Спасибо. А где Гарри?

- Еще спит. У ребенка выдалась непростая ночь.

Каролина не отреагировала на выпад. Кофе ей не предложили, так что она поднялась и сама подошла к кофемашине.

- Вы будете? - спросила она, но Элейн досадливо отмахнулась.

- Да уж, Каролина. Ситуация, конечно... Меня это не касается, но, если у тебя проблемы, обратись за помощью. Вождение в пьяном виде, это ж надо! Ты ведь жена сенатора, будущего президента! Сама делай что хочешь, но подумай о карьере Грэма.

- Вы имели в виду безопасность Гарри? Я, наверное, ослышалась.

Элейн вновь отмахнулась и поцокала языком.

- Ты знаешь, что я никогда не вмешиваюсь в ваши с Грэмом дела, но тут...

- Мама, довольно!

При звуке его голоса Каролина подпрыгнула и пролила кофе на свитер.

- Грэм? - недоверчиво выдохнула она, хотя он стоял перед ней собственной персоной, неотразимый, как всегда.

Каролина думала, он бросится ее обнимать, и распахнула руки навстречу, однако муж не шелохнулся. Он стоял в дверях, переводя взгляд с жены на мать с таким видом, словно эта кухня - последнее место на земле, где ему хотелось бы оказаться. Выглядел он безупречно. Отглаженная рубашка, идеальная стрижка (Грэм заезжал в парикмахерскую по пятницам раз в три недели), кашемировые носки, чисто выбритое лицо. Вместительная дорожная сумка от «Эрмес». Темные волосы, зеленые глаза. Едва заметные морщинки лишь придавали ему солидности. Метр и восемьдесят семь сантиметров абсолютного, тщательно ухоженного совершенства.

– Я и не знала, что ты здесь, – выдавила из себя Каролина, сложив руки на груди. – Трип сказал, ты на поезд опаздываешь.

– Я как раз уйду, – бросил он на ходу. Голос был холоден, словно лед.

– Куда? – спросила Каролина в шоке от его тона.

Он что, злится? На нее? Всерьез поверил, что она была пьяная, когда везла детей? Уж ему-то лучше всех известно, что она в последнее время почти не пьет. Это ей надо обижаться, что муж и пальцем не пошевелил, пока она в тюрьме ночевала!

– Сынок, хочешь кофе? – Свекровь с готовностью прыгнула с высокого стула.

– Элейн, выйдите на минуточку, дайте нам поговорить, – попросила Каролина.

Свекровь с обиженным видом посмотрела на сына. Тот кивнул.

– Пожалуйста, мама.

Элейн забрала кофе и надкушенный банан и наконец удалилась. Каролина бросилась к Грэму и схватила его за плечо.

– Эй, что с тобой такое? – Она изо всех сил старалась говорить тихо. – Если ты не слышал, я всю новогоднюю ночь провела за решеткой.

Грэм резко сбросил ее руку.

– Шутишь? Смешно, по-твоему?

У Каролины от удивления открылся рот.

– Смешно? Ты издеваешься? Я такого ужаса натерпелась! А ты где был? Трипа прислал! Да ты знаешь, что я...

– Я знаю только то, что мне звонили из полиции, Каролина! Каннингем
– начальник отделения Бетесды! Он сказал, что тебя задержали, потому что ты
не прошла тест на трезвость.

Ее задело, что он назвал ее полным именем, а не Линой, как обычно.

– Не знаю, что они наговорили, но тебе лучше всех известно...

Грэм хлопнул ладонью о стол.

– Да как ты могла? Как можно быть такой глупой? – У него покраснела шея. – У
тебя в машине мой сын сидел!

– Твой сын? Наш сын, ты хотел сказать? Может, он мне и не родной, но я всегда
его любила как своего!

Грэм резко поставил полную кружку в раковину и ткнул пальцем в сторону
Каролины, прищурившись.

– Сейчас ты разбудишь Гарри и отвезешь его домой. С этим справишься. И
вызови такси, за руль больше не сядешь. Эти кровопийцы уже там! – Он махнул
рукой в сторону улицы. – Ни с кем не разговаривай. Ни слова. Даже не смотри на
репортеров! Понятно?!

Каролина сделала шаг навстречу в надежде, что он смягчится.

– Грэм, ну ты чего? Я никогда бы не села за руль выпившей. Я никогда бы не
подвергла Гарри – никого из детей – опасности! – Ее голос отчаянно звенел, она
ничего не могла с собой поделаться.

Не приехать за ней в тюрьму – это одно. Но поверить в обвинения в том, чего
она, разумеется, не делала!

Во взгляде Грэма она заметила незнакомую прежде суровость.

– Я вернусь вечером. Запомни, никому ни слова.

И он ушел.

Глава 4. У меня есть друзья-евреи

Эмили

Эмили едва смогла сохранить невозмутимый вид – двери лифта распахнулись прямо в квартире. Из окна во всю стену открывался вид на башню Свободы, пролив Ист-Ривер и реку Гудзон. Конечно, ей и раньше доводилось бывать в роскошных домах. Особняк семейства Кардашян в Голливуде не назовешь сиротским. Да и вилла Джорджа и Амаль Клуни на озере Комо вполне ничего. Таунхаус Миранды Пристли на Пятой авеню тоже впечатлял. Однако от пентхауса Риззо за двенадцать миллионов баксов на пятьдесят восьмом этаже у Эмили отчего-то перехватило дыхание. В районе Трайбека мало небоскребов, поэтому такое чувство, словно паришь среди облаков. Квартиру заливал яркий солнечный свет. Эмили даже прищурилась. Модная минималистичная мебель и огромное открытое пространство без всяких перегородок – все создавало какую-то инопланетную атмосферу.

– Спасибо, что приехала, – сказала Элен, отбрасывая с лица волосы.

Сколько Эмили помнила, Элен всегда носила афро – у нее шикарная грива. Но сегодня укрощенные волосы свисали по бокам миллиардом тугих блестящих колечек.

– Не за что, – откликнулась Эмили и поставила на скамеечку у входа набитый саквояж от «Гойар».

По пути из аэропорта ей пришло семь панических сообщений от ее ассистентки Кайли. Похоже, Элен была в истерике и донимала ее звонками.

– Риззо здесь?

Элен кивнула. Кудряшки качнулись в такт.

– Да, занимается с тренером. Скоро закончит. Что будешь пить? Кофе или что-то покрепче? Если честно, я бы выпила.

– Давай и то, и другое.

Эмили прошла за Элен в белую лакированную кухню. У навороченной кофемашины возилась испанская служанка в униформе.

– Клара, сделай нам, пожалуйста, латте и плесни в оба «Бейлиса».

Если Клара и сочла странным, что деловые женщины решили выпить кофе с ликером в три часа дня, на ее лице это никак не отразилось. Она приготовила напитки и поднесла их к белому кожаному дивану, развернутому к панорамному окну.

– Что ж, начнем с очевидного, – сказала Эмили, сделав глоток кофе. – С чего вдруг он решил заявиться на маскарад в форме нациста?

– Это был не маскарад, – ответила Элен, уставившись себе на руки, словно собиралась с силами.

– В смысле?

– Ну, что сказать, Эмили. Он еще ребенок. Ума у него мало, зато денег и времени куча. И людей вроде нас, которые прикрывают его зад. Ничего нового.

– Да, только это все усложняет. – Эмили посмотрела на часы.

Не то чтобы она куда-нибудь спешила, однако все же преодолела полстраны, чтобы помочь мальчишке. Не пора ли с ним встретиться?

Элен заметила ее взгляд.

– Пойдем со мной, я вас познакомлю.

Они прошли по длинному белому коридору с картинами на стенах, написанным в стиле стрит-арта, затем спустились вниз по винтовой лестнице. Еще коридор, на этот раз разрисованный граффити, в конце – стеклянные двери. За ними Риззо в боксерских перчатках истоиво колотил грушу, подвешенную к потолку. Рядом скакала красивая девушка в коротеньких шортах и лиловом спортивном топике, подбадривая его криками.

Элен постучала в стекло. Риззо и девушка глянули на них, но не остановились.

– Риз, сделай перерыв. Я тебя кое с кем познакомлю.

Эмили стоило бы уставиться на голый накаченный мужской торс в струйках пота, но она разглядывала девушку – у топика слишком глубокий вырез, из него так и норовила вывалиться грудь. К чему такой вырез на спортивном лифчике, подумала Эмили и внезапно ощутила себя очень старой.

– Отлично поработали, Риз! – Девушка хлестнула его по заднице сложенным полотенцем.

Грудь в лифчике тяжело вздымалась. Эмили заметила, что не ее одну заворожило это зрелище – Элен и Риз тоже не могли отвести от тренерши глаз.

– Спасибо, детка! До завтра! – Риз выхватил у нее полотенце и повесил на шею.

Они втроем молча наблюдали, как девушка, подхватив спортивную сумку и перчатки, вышла из зала.

– Ох ты ж, – выдохнул Риззо ей вслед.

– Привет, Риззо! Я – Эмили Карлтон. Элен позвонила мне, чтобы я помогла разрулить вчерашнюю... ситуацию на вечеринке. Рада знакомству.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и на секунду Эмили захлестнули противоречивые чувства, будто она – единственная женщина на планете... и при этом педофил, раз этот восемнадцатилетний парень кажется ей таким сексуальным. Вот это глаза! Невероятный оттенок зеленого. Такой вообще существует в природе?

– Спасибо, что приехали! Это, конечно, круто, хотя мне кажется, Элен чересчур суетится.

Риззо отвинтил крышечку с бутылки и залпом выпил всю воду. Элен посмотрела на Эмили, словно предлагая той объясниться самой.

– Я понимаю, ты ничего плохого не имел в виду. Но после прошлогоднего марша неонацистов в Шарлотсвилле общественность здорово всполошилась насчет антисемитизма и прочего, а нацистская форма обычно расценивается как демонстрация антисемитизма. Нам надо решить, как лучше выкрутиться из ситуации.

Риззо отмахнулся и открыл следующую бутылку.

– Да ладно, все поймут, что я по приколу ее нацепил. Мои фанаты так точно.

Эмили вздохнула, стараясь не повышать голос.

– Может, и поймут, только не все. В частности, евреи. И те, кто считает, что холокост – ужасное преступление, а таких много, поверь. Твои спонсоры – «Юникло», «Лексус» – точно будут не в восторге. Да и «Сони» тоже. У меня есть план, который сработает на сто процентов. Если сделаешь, как я скажу, то гарантирую, что все будет в порядке.

Риззо не слишком впечатлился, однако, смотрел на нее, выжидая.

– Я позвоню знакомым журналистам и расскажу, что ты думал, будто свастика – древний буддистский символ мира. Будешь косить под дурачка, главное – не переигрывай. Представим все так, будто ты напутал по молодости и по неопытности, никого не хотел обидеть. Прочел про символ в буддийских текстах для медитации и решил, что он про мир и все такое.

– Косить под дурачка?

– Ты не дурачок, конечно. Это всего лишь роль.

Риззо молчал, и Эмили продолжила:

– Устроим тебе интервью в солидных изданиях. Будешь сокрушаться, извинишься перед всеми. Сделаешь пожертвование в Антидиффамационную лигу – организацию, которая защищает евреев. Сходишь в Музей холокоста, встретишься с каким-нибудь раввином, все перед камерами. Покаешься, что все напутал, а на самом деле ты хороший парень. Будешь твердить это везде, где только можно, пока не превратишься в поборника мира и защитника угнетенных народов. Поверь мне, все устроится, если действовать по моему сценарию.

– Умно, – кивнула Элен. – Отличный план.

– Ты серьезно? – взвился Риззо. – А по мне, дикий бред. Чтобы я шел и всем рассказывал, какой я идиот?

Эмили почувствовала, как напряглась Элен.

– Короче, полная хрень. Это все ни к чему.

– У тебя есть другие предложения? – спросила Эмили как можно спокойнее.

Он и правда полный тупица. Как она и думала.

– Ну, я напишу пост и скажу, что прикололся – Новый год же, все дела. Я ничего против евреев не имею и никого бесить не хотел. У меня агент – еврей, и бухгалтер, и все юристы. Мои фанаты знают, что я не хейтер.

– Риззо, точно могу тебе сказать: ответ в духе «у меня есть друзья-евреи» не годится. Даже если выложишь в «Снэпчат» извинения – мол, ребята, виноват, – так просто не сработает.

– Если выложу в «Лингере», сработает.

Эмили понятия не имела, что такое «Лингер», однако не собиралась в этом признаваться.

– Риззо, это моя работа. Я восстанавливала репутацию Бена Аффлекса после интрижки с няней, и Джастина Бибера после тех тупых картинок, и Кевина

Спейси после истории с четырнадцатилетним парнем. А еще разбиралась с кучей скандалов с вождением в нетрезвом виде, и с политическими заявлениями на вручении «Оскара», и с kleптоманией. А с утечкой откровенных фото имела дело столько раз, что все не вспомню. Я могу помочь тебе.

– Спасибо, я подумаю и перезвоню.

Эмили не успела очнуться от ступора, как он вышел из зала и закрыл за собой дверь.

Элен пожала плечами:

– Вот такой он. Но он знает, что ты права.

– Серьезно? Мне так не показалось. К тому же время не ждет, я уже видела его снимки в «Радар-онлайн». Он сам-то их видел?

– Слушай, я с тобой согласна на все сто. Давай я с ним поговорю, когда он чуть остынет, и перезвоню тебе. Ты не уедешь?

Эмили кивнула, хотя планы еще не строила. Она примчалась сюда напрямиком из аэропорта, думала, будет занята у Риззо до вечера, а потом сразу в отель. А теперь? Они ведь не подтвердили, что нанимают ее.

Элен проводила Эмили до двери, где уже ждала служанка с ее чемоданом.

– Спасибо, что так быстро приехала. Я позвоню в течение часа, хорошо?

Однако телефон зазвонил еще в лифте.

– Быстро ты!

– Извини, пожалуйста, Эмили, но я решила сразу сообщить. Он хочет... пойти в другом направлении.

– В другом направлении? Это как? Вступить в Куклукс-клан? Лучше сразу скажи, потому что с этим даже мне придется долго разбираться.

– Я объяснила ему, что ты в своем деле лучшая, но он задумал обратиться к Оливии Белль. Она звонила ему утром, и он в восторге от того, что та наобещала. Прости, пожалуйста, мне очень-очень жаль. Разумеется, мы покроем все расходы на перелет, и за потраченное время тоже возместим. Пришли мне счет, ладно?

– Нет, ты серьезно? – не сдержалась Эмили.

– Я ему объясняла, что он зря так поступает, но, если бы он всегда меня слушал, мы бы не сели в такую лужу.

– Ладно, я понимаю, – сказала Эмили, хотя, конечно, была не согласна. Она пробормотала что-то вроде «потом поговорим» и нажала отбой.

Хорошо хоть, в холле никого. Эмили рухнула без сил в первое попавшееся кресло.

Оливия Белль? У нее даже имя не настоящее! Риззо что, издевается? Она совсем девчонка! Ну да, в «Инстаграме» у нее два миллиона подписчиков, а у Эмили – всего двадцать тысяч. И что? Никакой «Инстаграм» из скандала не вытащит. При чем тут подписчики? И пост в «Твиттере» не поможет.

Уже третий клиент, которого эта сучка у нее уводит. Двадцать шесть лет, красотка, тусовщица – без нее не обходилась ни одна вечеринка на обоих побережьях. Оливия вела блоги на всех доступных платформах и подкатывала к клиентам Эмили так, словно она главная в этом бизнесе.

Эмили набрала было номер Кайли, однако вспомнила про Новый год. Надо бы Майлзу позвонить, но он, наверное, работает или зависает с друзьями. Эмили зашла в избранные контакты, ткнула в «Мириам» и рассмеялась, как смеялась всякий раз, когда на экране всплывала фотография подруги с дурашливой улыбкой до ушей.

- Привет! - ответила Мириам. На заднем фоне слышались детские голоса. - Ты не рано ли проснулась? Разве уже полдень?

- Вообще-то я в Нью-Йорке. Как же плохо, что ты отсюда уехала. Хоть бы обо мне подумала, когда решила превратиться в домохозяйку из пригорода!

- Ох, дорогая, я тоже скучаю!

- Нет, серьезно. Я тут бываю по два раза в месяц, а тебя нет.

Мириам рассмеялась.

- От меня до города полчаса езды, Эм. Поезда ходят чуть ли не каждую минуту. Ты надолго? Можем завтра встретиться, когда детей в школу отправлю.

- Еще не знаю, меня только что Риззо Бенц уволил. Или же скорее - не нанял. Оливия Белль разрушает мою жизнь!

- Да ладно, эта девчонка тебе и в подметки не годится. А Риззо - полный идиот, раз выбрал ее.

- Но третий клиент, Мириам! И это не считая тех двоих в прошлом году. Ладно! - Эмили заметила, что портье смерил ее подозрительным взглядом. То ли она громко говорила, то ли вела себя так, будто здесь ее офис, то ли все сразу.

- Сколько раз Миранда тебе звонила?

- Я в «Подиум» не вернусь!

- Директор по особым мероприятиям - как по мне, звучит здорово!

- Все так, но возвращаться... С одной стороны, Нью-Йорк. А с другой - сейчас я сама себе хозяйка, сама решаю, когда работать и на кого. А идти туда, откуда начинала, кажется неправильным.

- Это понятно, но ведь это Миранда Пристли! Подумай о бюджете на гардероб. Вспомни о вечеринках! Представь, сколько девушек умереть готовы за такую работу...

- Ну ладно тебе, хватит!

- Прости, не удержалась.

В трубке раздался грохот и следом жуткий рев.

- Это которое из чудовищ? Отпускаю тебя к ним.

- Мэтью, сколько раз тебе повторять, не тронь кочергу, она не игрушка! - воскликнула Мириам и шепнула Эмили: - Порой он ведет себя как настоящий засранец.

Эмили улыбнулась. Хорошо иметь подругу, которая может назвать засранцем любимого пятилетнего сына.

- Слушай, если у тебя других дел нет, может, к нам приедешь? У нас гостевая комната на третьем этаже, там тихо, дети ломиться не будут. Переночуешь спокойно. Да и вообще, оставайся на сколько захочешь. Я тебе напишу, на какой поезд сесть.

- На поезд? - ужаснулась Эмили, словно ей предложили пройти до Гринвича пешком.

- Все ездят на поезде, котик, не только плебеи.

Эмили фыркнула:

- Ладно, приеду. Не хочется снова в самолет. Да и на твоих безобразников посмотрю. Только на одну ночь, хорошо?

Она нажала на отбой, чтобы не дать себе передумать, и ткнула пальцем в иконку «Убера». Пусть Эмили Карлтон и никому не нужная старая развалина, но на поезде она не поедет.

Глава 5. Просто забей! Бери пример с меня

Мириам

Мириам потихоньку притворила за собой дверь и глянула на сваленные горой игрушки, о которых дети, живя в Нью-Йорке, понятия не имели, – велосипеды, санки, ролики, самокаты и даже старомодная деревянная тележка – и улыбнулась. Повезло им всем, что переехали за город. Даже спустя полгода Мириам не переставала этому радоваться.

В прихожей, как всегда, словно ураган пронесся: перевернутые пуфики, разбросанные рукавицы, дождевики, шапки, ботинки, шарфы и зонтики. На кухне после завтрака не лучше – в шкафчиках будто бешеный енот похозяйничал.

– Привет! – прозвучало с дивана.

– А? – отозвалась Мириам, хотя отлично знала, что во вторник утром включить телевизор больше некому. Эмили пробыла у них три дня. Все это время она не вылезала с сайтов о знаменитостях, смотрела все передачи, следила за сплетнями о Риззо и Оливии Белль и, кажется, уезжать не собиралась. – Спасибо, что помогла убрать.

– А? – Эмили обернулась и осмотрела кухню. На ней была выцветшая футболка с надписью «Сначала кофе», а еще она натянула пижамные штаны Мириам, которые болтались на ней, как на вешалке. На диване лежал открытый ноутбук. – Слушай, я вообще-то и не приближалась к месту катастрофы. Ты что, до сих пор так и не наняла помощницу?

Мириам закатила глаза и сунула фильтр в кофемашину.

– Кофе будешь?

– А ты действительно на тренировку ходила? Или у вас тут принято с утра до вечера в трениках от «Лулулемон» разгуливать?

– И то, и другое. Я ходила на сайклинг к девяти.

– Ничего себе! Ну, ты даешь. Сроду бы не подумала, что Мириам Каган когда-нибудь сядет на велик.

– Пытаюсь выбираться хотя бы пару раз в неделю. Хотя до других мамочек мне далеко. Тренер спросил, кто на второй час останется, так половина из них руки подняли. А трое и на третий подписались.

– Минус три часа в день и сто двадцать баксов – нехило даже для Гринвича. В Санта-Монике в таком хотя бы вслух не признаются.

Мириам подлила в кофе молока и схватила круассан из пластикового ведерка с выпечкой из ближайшего супермаркета «Трейдер Джос».

– Я смотрю, ты на диете, – съехидничала Эмили.

Подруга продемонстрировала ей средний палец и откусила кусочек от круассана.

– Мгновение во рту, всю жизнь на бедрах! – не унималась Эмили.

– Круассаном больше, круассаном меньше – этим бедрам все равно! – Мириам ущипнула себя за бок, сунула в рот круассан и устроилась в кресле напротив подруги с чашкой в руке, стараясь не обращать внимания на ощущение, что живот свисает через резинку легинсов – супер-утягивающих легинсов с высокой талией. – Ты что делаешь?

– Спасая свою карьеру. Меня, как «Снэпчат», задвинули на задворки. Слушай, когда мы успели так состариться?

– Да ладно, не такие уж мы и древние. Нам всего-то по тридцать шесть.

– Разуй глаза! У тебя трое детей и дом, над которым работал дизайнер! Ничего не хочу сказать, но он явно недолюбливает яркие цвета. Прямо пятьдесят оттенков серого, только без садомазо.

– А мне нравится. – Мириам пожала плечами. – Скажи честно, что происходит? Неужели вся твоя карьера пойдет насмарку только из-за того, что Риззо стал работать с Оливией Белль? Или мне пока нельзя затрагивать эту тему?

– Дело не только в Риззо. Мне кажется, я теряю хватку.

– Какое там теряешь! Смотри сама, сначала ты была ведущим стилистом в Голливуде, потом переквалифицировалась в кризисного менеджера для знаменитостей. Если тебе это не нравится, займись чем-то еще. – Мириам заглотила последний кусочек круассана. – А Майлз что говорит?

Эмили пожала плечами:

– То же, что и ты. Твердит, что я молодец. Что слишком остро на все реагирую. Но его даже рядом не будет, он на три месяца в Гонконг улетит.

– Лети с ним.

– Не хочу я в Гонконг!

– Зря, прекрасный город.

– Наверное, у меня депрессия. Ты только посмотри, во что я одета!

– Нормальные шмотки, как по мне. Переезжай сюда, и сможешь разгуливать в пижаме хоть целый день. Просто забей! Бери пример с меня.

– Вижу-вижу! Вот уж никогда бы не подумала, что профессионал, которая редактировала юридический журнал Гарварда, станет с удовольствием водить детей в школу, а потом скакать на фитнесе.

– Что ж, жестоко, зато честно. Знала бы ты, что говорит моя мать по этому поводу. Ей за меня стыдно.

– Твоя мать получила Пулитцера в двадцать восемь. А до тебя ей дела не было, пока ты в колледж не пошла.

– На прошлой неделе Мэтью сказал: «Когда вырасту, буду изобретателем, как папа». А Мэйси тут же выдает: «А я буду, как мама, ходить в спортзал!»

– Упс! – Эмили рассмеялась.

– Ну да, ну да, знаю, надо было сказать, что мама вообще-то Гарвард закончила и в тридцать четыре руководила самой престижной адвокатской фирмой в Нью-Йорке. Что всего полгода назад она работала по восемьдесят часов в неделю и консультировала международные корпорации, и вся семья жила на ее зарплату.

– Так почему не сказала?

– Мэйси всего пять. К тому же мне не хочется быть такой, как моя мама. Так что я проворчала что-то типа «сама решишь, когда подрастешь». Может стать домохозяйкой, или музыкантом, или архитектором, или кем захочет, лишь бы счастлива была.

– А ты сама в это веришь? – приподняла бровь Эмили.

– Да! Сейчас верю. Начиная с ее возраста я всегда была загружена по полной. Да я глазом не успела моргнуть, а мои дети выросли, из младенцев превратились в разумных человечков – каждый со своими мыслями и чувствами, а я все пропустила, потому что работала без продыху. А после того как Пол продал свой стартап, все перевернулось с ног на голову. Мы как будто в лотерею выиграли! Теперь есть шанс замедлиться, хотя бы на середине жизни, подумать обо всем. Просто подарок небес!

– Надеюсь, ты это все не вывалила на ребенка?

– Не вывалила. Спросила, сделать ли ей кроликов из сыра, а Мэйси закатила истерику, потому что ест кроликов только из печенья. А если серьезно, Эм, мне правда повезло. Теперь у меня есть выбор. И у тебя тоже есть. Разве многие могут этим похвастаться?

- Ты всего-то полгода за городом прожила! Еще столько же - и тебя от тоски потянет броситься под «ленд ровер», на которых все тут ездят!

- Может быть. Но пока все очень даже хорошо. К тому же я подрабатываю, чтобы навык не терять.

- Каким образом?

Мириам заметила, что Эмили все чаще поглядывает на экран, где ведущие утреннего шоу «Тудэй», Кэти Ли и Хода, только что откупорили бутылку розового вина.

- Заполняю нянечкам налоговые декларации, составляю брачные контракты и завещания. Так, по мелочи.

- Просто блеск!

- Не будь такой сучкой!

- Ты мне то же самое сказала, когда мы только познакомились. Самым первым летом, помнишь? Тебе показалось, что я глумилась над той тупицей, как ее там звали - Розали?

Мириам рассмеялась. Она вспомнила, что все девчонки в лагере побаивались Эмили. Несмотря на запрет, она ярко красила губы и спала в мужских шортах - якобы ей отдал их парень, который был гораздо старше, - а еще сыпала ругательствами по поводу и без. Прежде Мириам никогда таких отчаянных девчонок не встречала. Эмили отказывалась играть в лакросс по «личным причинам», ходила на субботнюю дискотеку исключительно на шпильках - туда наведывались и мальчики из соседнего лагеря - и заставляла вожатых молчать, что она курит. Однажды Мириам показалось, что Эмили насмеялась над одной девчонкой из-за лишнего веса, и она при всех велела ей прекратить. Когда родители приехали их навестить, Мириам и Эмили представили друг друга лучшими подружками, а в день отъезда цеплялись друг за друга и ревели навзрыд.

- Надо же, ты запомнила! Да, я думала, ты ее передразниваешь.

– Может, она и была пухловата, но слоновью походку я изображала, передразнивая того чудилу из администрации, помнишь? Имя у него еще такое мерзкое было, как у насильника.

– Честер.

– Точно! Надо погуглить, наверняка уже за педофилию сел.

– Да, он был противный. Пялился на всех девчонок, которые в офис за почтой заходили.

У Мириам зазвонил телефон.

– Наконец-то! – Она схватила мобильник со стола. – Привет, это ты? – зачастила Мириам, прежде чем Каролина успела сказать хоть слово. – Как дела? Ты где? Я тебя уже три дня подряд сообщениями засыпаю.

– Ты же видела газеты. – Легкий восточноевропейский акцент в голосе Каролины стал заметнее.

– Конечно, видела, весь мир их видел! Я не поверила ни на секундочку! Ты где? Правда, я тысячу сообщений оставила.

– В Гринвиче.

– Что-что?

– Надо собраться с мыслями.

– Господи, я сейчас приду. – Мириам посмотрела на часы. – Мне надо душ принять, примерно через час жди меня.

Эмили подняла глаза и спросила одними губами:

– Кто это?

– Не спеши, я здесь еще долго пробуду, – ответила Каролина потерянными голосом. – Я так скучаю по Гарри...

– Милая моя! Я уже еду! Адрес тот же?

– Да. Мерзкий дом с позолоченным почтовым ящиком.

У Мириам возник перед глазами безвкусный особняк с картинкой на обложке утреннего выпуска «Пост» с заголовком: «Где же приземлилась птица высокого полета миссис Хартвелл?»

– Ладно, до встречи. Тебе что-то нужно?

– Не знаю. Если только таблеток. Чем сейчас закидываются? Что-то я отстала от жизни. Валиумом? Вряд ли, слишком старомодно. Перкоцетом? Слушай, у меня сейчас отличное время для экспериментов с запрещенными препаратами. Я же уже алкоголичка. Никто не удивится.

– Сиди спокойно, я выезжаю.

– Что там такое? Подружка-домохозяйка пожаловалась, что горничная ворует столовое серебро? – заинтересовалась Эмили, яростно колотя по клавишам ноутбука.

– Нет, Каролина Хартвелл звонила. Она в Гринвиче.

Мириам побежала вверх по ступенькам. Эмили крикнула вслед:

– Я с тобой!

– Слушай, давай не сейчас. Она не в себе. Вряд ли обрадуется, если я притащу с собой незнакомого человека.

– Как незнакомого? Мы сто раз с ней встречались, когда я в «Подиуме» работала. Каролина у нас раз пять на обложке побывала! Она забегала к нам в офис через каждые три секунды. К тому же я могу ей помочь!

– Даже не знаю...

– Seriously, я иду с тобой. Все будет нормально. Давай в душ, а я пока переоденусь и соберу все самое необходимое. Кому еще ее развеселить, как не нам.

Мириам кивнула. Как обычно, у нее не нашлось сил сопротивляться напору Эмили.

– Ладно, через двадцать минут спускайся к машине. И не вздумай ее напоить, пока не расскажет, что стряслось.

Поднявшись по лестнице, Мириам услышала, как Эмили внизу распахнула холодильник.

– Бутылкой шампанского не напьешься!

Мириам улыбнулась и подумала о том, как же она все-таки любит эту сумасшедшую.

Глава 6. Домик в деревне

Каролина

Было около одиннадцати утра. Каролина дежурила у окна, выходящего на широкую подъездную аллею, нервно наматывая на палец прядь волос. Они с Грэмом купили этот дом через пару лет после свадьбы. Грэм убедил ее поставить автоматические железные ворота – вроде как для безопасности. А Каролине они напоминали тюремные решетки, однако затевать новую ссору не хотелось. «Так будет лучше, – убежденно заявил муж. – Все так делают».

Каролина не разделяла маниакальное стремление Грэма обзавестись загородным домом. У них была прелестная квартира на углу Шестьдесят третьей

и Парк-авеню, неподалеку от адвокатского бюро, где работал Грэм. Он не вылезал из конторы, когда только стал партнером. Зачем им еще и дом в Гринвиче? Грэм уверял, что он очень нужен. В Гринвиче шикарные рестораны и классные магазины, и рукой подать до Манхэттена. У них будет ухоженная лужайка, сад, бассейн и куча гостевых комнат. Друзья станут приезжать зимой на выходные, а летом на каникулы. Каролина не поддавалась, пока муж не разыграл козырную карту – Гарри будет где бегать и играть, не рискуя угодить под машину. Как тут откажешь? Когда Каролина с Грэмом поженились, мальчику исполнилось всего два года. Первая жена Грэма умерла от рака желудка почти сразу после родов. Разве могла Каролина лишиться Гарри возможности вырасти на свежем воздухе? Пусть у ребенка будут качели во дворе.

Славные тогда были времена. Пожалуй, лучшие за весь брак. На Каролину еще действовал шарм Грэма – членство в закрытых клубах, связи среди сильных мира сего и то, с какой легкостью он этим миром управлял. Грэм был Джоном Кеннеди-младшим двадцать первого века – деловитым, красивым и богатым. Она знала – он мог выбрать любую, но выбрал ее. Несмотря на успешную карьеру в модельном бизнесе, в глубине души Каролина так и осталась бедной девчонкой из Вроцлава. Пусть она и красива, но ведь росла с гиперопекающей матерью и среди людей, не слишком обремененных образованием. Как устоять перед человеком, который входит в закрытые клубы, где обедают сплошь Рокфеллеры и Карнеги? Каролине открылся совсем другой мир, отличный от мира моды. Мир, о котором слагают легенды.

В те ранние годы они то и дело затевали многолюдные вечеринки, экстравагантные обеды или приемы с коктейлями. Много смеялись и вместе смотрели шоу по телевизору. Трудно сказать, когда именно все пошло наперекосяк, однако Каролина была уверена: проблемы начались вместе с поисками идеального дома в Гринвиче.

Вскоре аппетиты Грэма возросли: скромный дом с четырьмя спальнями в мгновение ока превратился в особняк с двумя акрами земли, бассейном и теннисным кортом. И хотя в те времена Грэм пил только пиво и виски, ему срочно понадобился винный погреб с контролем влажности и дегустационным залом. Все по последнему слову моды и техники – побольше и подороже. Каролине стоило прислушаться к тем звоночкам. Она же пропустила их мимо ушей.

Когда они приехали в Гринвич в четвертый раз – на выходных в октябре, в самый разгар золотой осени, – Грэм просто влюбился в дом, спроектированный знаменитым архитектором: ультрасовременный дизайн, сплошь острые углы и стекло. Особняк под номером 35 на Ханисакл-лейн отвечал всем его требованиям, но выглядел, словно прибежище маньяка из триллера. Пожалуй, наименее подходящий дом для ребенка, однако Гарри был в восторге – носился босиком по заднему двору и хохотал, когда из декоративного пруда выскочила большая рыба и подхватила на лету кусочек булки! Сделку закрыли через пятнадцать дней – рекордный срок, если верить синеволосой риелторше. Каролина прямо как чувствовала, что дом надо оформить на них обоих. Его купили на деньги, которые она накопила за десять лет работы моделью. Грэм жил на проценты с трастового фонда – распоряжаться средствами он не мог, пока ему не исполнится сорок. Муж пытался спорить, говорил, что «с точки зрения налогообложения» выгоднее, если дом запишут только на него, но Каролина настояла. Если бы она тогда знала, сколько недель и месяцев дом будет простаивать пустым. Они с Грэмом приезжали только расплатиться с прислужкой и удостовериться, что он еще на месте. В последний раз останавливались в нем на одну ночь четыре года назад – еще до того, как Грэм стал сенатором. А потом переехали в Бетесду.

Каролина снова выглянула в окно. Она пробыла в Гринвиче всего несколько дней. Казалось бы, слишком мало, чтобы почувствовать настоящее одиночество, тем не менее ей отчаянно хотелось увидеть Мириам. За домом обычно присматривала пожилая пара – садовник и экономка. Каролина предложила им отпуск, и те с радостью уехали в Аризону повидать дочь. Каролине сейчас не до вежливых бесед. Честно говоря, она и в душ-то себя с трудом загоняла. И все же уединение исцеляло. После осады, которую устроили ей папарацци в Бетесде, пустая лужайка перед домом утешала и успокаивала.

Пришло сообщение от Гарри:

«Что мне надеть на школьный бал???»

Каролина улыбнулась и напечатала в ответ:

«Темно-синий костюм и белую рубашку».

«И галстук???»

«Конечно! Это же зимний бал! В первый раз».

Гарри прислал кивающий смайлик.

«А папа с тобой пойдет? Он же в курсе, что родителей тоже пригласили?»

На этот раз на экране выскочили три точки. Исчезли. Затем вернулись.

«Сказал, что не пойдет. А ты уверена насчет галстука?»

У Каролины на глаза навернулись слезы. Разве не ясно, что она нужна мальчику? Кто еще подскажет ему, что надеть? Кто проводит на танцы? Кто поможет выбрать туфли, подбодрит на вечеринке, поболтает с его друзьями и с их родителями? Конечно, Гарри быстро растет. Скоро он сам будет со всем справляться. Но сейчас-то, господи, ему всего двенадцать! Двенадцатилетним мальчикам нужны мамы!

Наконец раздался звонок – словно буддийский монах ударил в гонг. Каролина распахнула дверь. На пороге стояла улыбающаяся Мириам. Нарядилась она весьма по-загородному – в джинсы, угги и объемный пуховик. Странно было видеть Мириам не в деловом костюме. Они обнялись. От нее, как и двадцать лет назад, пахло ванилью. Как хорошо, что она пришла, что рядом человек, который не испытывает к тебе ненависти. Мириам махнула рукой в сторону своей машины. На пассажирском сиденье курила и что-то кричала в телефон незнакомая женщина. Каролина удивленно приподняла брови.

– Прости, это Эмили Карлтон. Она ко мне в гости приехала... Не знаю, надолго ли. Мы с ней давным-давно дружим, еще в летнем лагере познакомились. Когда ты позвонила, она была рядом и решила поехать со мной. Вы вроде общались с ней в редакции «Подиума»? Прости, что не предупредила. Я потому и попросила ее подождать в машине...

Каролина поднесла ко лбу ладонь, прикрывая глаза от солнца, и крикнула:

– Эй, Эмили, заходи! И сигареты прихвати! – Она повернулась к подруге: – Конечно, я ее помню! Она была помощницей Миранды Пристли. Та еще стерва!

– Это точно! Я тоже об этой Миранде слышала...

– Да нет, я про Эмили. Знатная сучка и язва, зато с ней не соскучишься. Мне сейчас в самый раз.

Они посмотрели на машину. Эмили показала телефонному экрану средний палец и распахнула дверцу. Наружу вырвалось облачко сигаретного дыма.

– Что, неужели мне можно войти? Тест пройден? – крикнула она по пути к дому.

Каролина расцеловала ее в обе щеки.

– Сколько лет, сколько зим! Рада тебя видеть! – Она проводила гостей в комнату и указала на диван перед камином, в котором разгорался огонь. – Садитесь, сейчас чаю заварю.

Каролина вернулась с эмалированным подносом, на нем стояли стеклянный чайничек и три чашки. Гости рассматривали комнату.

– Ну, как, уютненько? – поинтересовалась хозяйка.

Ей всегда было интересно, какое впечатление на людей производит обстановка в доме – неприветливо жесткие низкие диваны, на полках никаких книг или безделушек, и стены голые, всего-то пара черно-белых фотографий, вроде как говорящих о тонком вкусе владельцев.

– Красота, умереть не встать! – выпалила Эмили. – Будто тут вообще никто не живет.

– Так никто и не живет. Но, может, скоро я сюда перееду.

Мириам сочувственно наморщила лоб.

– Как мне жаль, что на тебя столько всего навалилось.

– Да, страсти бушуют! – встряла Эмили. – Утром читала статью с заголовком «Кого ненавидят сильнее: Каролину Хартвелл или Риззо Бенца». Со времен скандала с Харви Вайнштейном такого шороху не было!

Каролина открыла было рот, но в горле встал привычный ком.

– Мне сейчас... тяжело. Не думала, что в Вашингтоне все так обозлятся. И журналисты...

– Атакуют? – подсказала Эмили.

– Со всех сторон! Со мной никогда ничего подобного не случилось! Даже когда они решили, что у меня роман с Джорджем Клуни. Ну, еще до того, как стало известно про Амаль. И когда Грэма в сенаторы избрали, они нас так не доставали, а теперь вокруг дома в Бетесде стоят в три ряда. Хорошо хоть, здесь муж поставил этот уродский забор.

– Как там Гарри? – спросила Мириам, делая глоток чая.

Каролина покачала головой:

– Не знаю. Тем утром, сразу после того, как меня выпустили, я заехала к свекрови забрать сына, там наткнулась на Грэма. Он велел мне взять такси и отвезти Гарри домой. Только мы подъехали, как журналисты накинулись на машину. Знаешь, что спросили у меня первым делом? «А сейчас вы пьяны, миссис Хартвелл»?

– Стервятники, – со знанием дела протянула Эмили.

– Хорошо хоть: мы в гараж сумели заехать, а то бы пришлось прямо через них пробираться. Гарри расплакался.

– А где был Грэм?

Каролина вздохнула.

– Не стал рисковать. Не хотел, чтобы нас видели вместе.

Она рассказала Мириам и Эмили о том, как позвонила Бесс – матери Коула, одного из друзей Гарри. Каролина считала ее подругой. Из трубки сначала доносились длинные гудки, потом включилась голосовая почта. Каролина постеснялась названивать дальше. А потом Бесс не ответила на сообщение. И на второе, и на третье. Каролине стало дурно. Слишком не похоже на Бесс, которая, по ее же собственным словам, телефон из рук не выпускала. Ответ пришел часа через два: «Коулу лучше не дружить с Гарри. Не звони ни мне, ни ему, пожалуйста».

Каролина охнула как от удара. Целую минуту она пыталась отдышаться, даже подумала, что у нее сердечный приступ. Чуть-чуть придя в себя, она отправила групповое сообщение мамам, чьих сыновей должна была развезти по домам накануне. «Привет! Я вам всем еще позвоню, просто хочу, чтоб вы знали. Я НЕ ПИЛА. Это все недоразумение. Вашим детям ничего не угрожало. Обнимаю, К.».

Тут же посыпались гневные отповеди.

«Мы тебе сына доверили!»

«Да как тебе не стыдно!»

Но хуже всего оказалось единственное сообщение, в котором не было гневных восклицаний.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, обратись за помощью. Я знаю, я тоже через это проходила. Без профессиональной помощи выкарабкаться очень трудно. Не обманывай себя, если думаешь, что сумеешь».

Эти сообщения добились Каролину. Все, что произошло накануне – полицейская машина, ночь в тюрьме, ссора с мужем, – задело ее не так сильно. Телефон выпал из рук, она разрыдалась. Они ведь дружили! Не так, как с приятельницами-моделями, с которыми она общалась в двадцать лет, – те легко кочевали из друзей во враги и обратно. И не так, как со светскими львицами из Нью-Йорка, которых отпугивала ее красота, а происхождение шокировало. С мамочками из Бетесды они как-то сразу сошлись. Одни из них сидели дома, другие работали. У всех разный уровень достатка и образования. Их сближало одно – каждой хотелось вырастить детей достойными людьми. Всем было

наплевать, что в прошлом Каролина была моделью. Их не волновало, что ее муж – сенатор, и что Гарри ей не родной. Они вместе отмечали дни рождения, наряжали детей на Хэллоуин и по очереди возили на тренировки. Их мужья вместе пили пиво на барбекю, а сыновья врывались друг к другу без спроса, как к себе домой. С ними было так легко и хорошо. Теперь Каролина ясно поняла – все закончилось.

Мириам ее обняла, и она очнулась от воспоминаний. По крайней мере, эти две, что сидели сейчас у нее в гостиной, ее не презирали.

– Сколько ты тут пробудешь? – спросила Мириам.

Слезы хлынули у Каролины из глаз.

– Не знаю. Грэм сказал, мне лучше пока побыть в Гринвиче, чтобы уберечь Гарри от репортеров.

– Когда ты разговаривала с мужем в последний раз? – поинтересовалась Эмили.

– Вчера вечером. Я так запуталась. Знаешь, Мириам, я даже у Гарри все выпросила про ту ночь.

– В смысле?

– Не удержалась и спросила, помнит ли он, что я пила и сколько. Он сказал про бокал вина. Я еще назвала его «сок для мамы», и Гарри застеснялся перед друзьями. Он вспомнил, что сперва я налила им «Спрайта», а потом откупорила вино. Гарри еще подумал, что папа расстроится, что я открыла новую бутылку. Он и понятия не имеет, откуда взялись те пустые бутылки из-под шампанского, которые полиция нашла под задним сиденьем.

– Может, он с друзьями все и выпил? – предположила Мириам. – Знаю, Гарри славный парень, но ему уже двенадцать, в этом возрасте многие пробуют.

– Нет, мальчики шампанского не пили, это точно. И я тоже. Когда меня вывели из машины, я просила, я умоляла дать мне алкотестер, а полиция говорит, что я отказалась! Кошмар какой-то!

Эмили хлопнула ладонью по колену.

– Слушайте, я больше не могу. Ну, отчего мы все так переполошились? После вождения в пьяном виде репутацию восстановить проще простого. Пошумят и успокоятся.

– Успокоятся? – не поверила ушам Каролина. – Ты вообще телевизор смотришь? Последние три дня только об этом и говорят!

– Как же, как же! Бывшую модель, лицо «Л’Ореаль», жену нью-йоркского сенатора арестовали за вождение в нетрезвом виде. Ну и что? Ты никого не убила. Вот убийство было бы проблемой. Да, дети в машине дело осложняют, с этим согласна. Но давайте переключимся на самое главное: все живы, никто не пострадал, даже машина цела! Вся истерика на пустом месте!

Каролина перехватила взгляд, который Мириам бросила на Эмили, явно призывая подругу заткнуться. Но насколько она помнила Эмили, ее так легко не остановить. Ну и, кроме того, в ее формулировках действительно все было не так уж и ужасно.

– Продолжай, – попросила Каролина.

Эмили пожала плечами.

– Скажу тебе, что посоветовала бы клиенту. Всем наплевать, пила ты или нет. Нужно извиниться за то, что подвергла детей риску, и лечь на месяцок в какую-нибудь клинику – это вообще беспроигрышный ход, особенно если журналистам заранее рассказать. В Монтане есть отличное заведение.

– Тридцать дней в клинике? На реабилитации? Рехаб? Я не алкоголичка!

– Какая разница! – Эмили посмотрела на вибрирующий телефон. – Есть правила, которые распространяются на всех. Заповедь номер один: люди любят раскаявшихся грешников. Посмотри на Мела Гибсона, на Риз Уизерспун или на Джона Мэйера! Не вовремя, конечно, Грэм интрижку завел, но ничего, справимся. Тебе только посочувствуют.

– Какую еще интрижку? – прошептала Каролина.

– Ну, я так думаю. Разве я не права?

Каролина помолчала с минуту, затем выпалила:

– Если завел, значит, с Риган Уитни.

Каролина заметила, что на лице Мириам на мгновение отразился ужас. Интересно, что ее больше поразило: что Грэм завел любовницу или что та может быть дочерью бывшего президента – юной и прекрасной. Каролина видела у него в телефоне несколько сообщений от Риган. Скорее невинных, чем подозрительных. Однако в последние полгода Грэм начисто утратил интерес к сексу.

– Она далеко не такая красавица как ты, – уверенно заявила Эмили.

– Но ведь она на десять лет моложе! Ей и не надо быть красавицей.

– Да уж, – в один голос вздохнули Эмили с Мириам.

– К тому же у нее есть связи, – добавила Каролина. – Для Грэма это важнее внешности. В любом случае Трип велел пока ничего не предпринимать. Он сейчас связывается с нужными людьми. Считает, есть шанс снять с меня обвинения.

В тишине раздался звонок.

– Это в ворота, – охнула Каролина. Перед глазами мелькнули толпы журналистов и телекамер у дома в Бетесде. – Думаете, полиция их все-таки пропустила?

Соседи по обе стороны от дома Хартвеллов пожаловались на назойливых папарацци, и местная полиция не пропускала в Гринвич никого, кроме жителей. Гости должны были доказать, что их пригласили. Только это и спасло Каролину от нервного срыва.

Мириам поднялась с дивана.

- Где у тебя домофон? На кухне?

Каролина едва кивнула. На нее нахлынуло ощущение безнадежности. Ей не выбраться из этого кошмара.

- Это герлскауты! - крикнула Мириам из кухни. - Впустить?

- Не надо нам печенья, - откликнулась Эмили. - Каролине сейчас только лишних кило не хватало!

Каролина глотнула воды.

- Даже полиция не удержит герлскаутов, если те решили войти.

Мириам вышла из кухни и смерила Эмили строгим взглядом.

- Я ихпустила. Нельзя отказываться от печенья, а то удача на семь лет отвернется.

- Ой, конечно. Типа сейчас она к нам лицом!

Каролина захохотала. Пусть у нее почти съехала крыша и жизнь совершила неожиданный кульбит, но как же здорово снова смеяться.

- Тащи сюда печенье. Девочкам пора поесть!

Глава 7. Водка и «Тампакс»: созданы для Гринвича

Эмили

- Эмили! Обезжиренный латте для Эмили!

У девушки-бариста из «Старбакса» в левом ухе болталось колечко, а правое было утыкано сережками-гвоздиками. Эмили расцеловать ее захотелось только за то, что она – единственная во всем Гринвиче – обошлась без осветленных волос, стрижки-боб и зимних ботиночек с мехом на грубой подошве.

– Спасибо! – Эмили схватила стакан и метнулась обратно в свой угол, подрезав дамочку, рыскавшую в поисках свободного столика.

Она отпила кофе, заставив себя оторваться от фотографии Риззо с Оливией Белль за обедом в Ист-Виллидж, и принялась листать список дизайнеров, которые согласились бы в последнюю минуту поработать с Ким Келли. Та прославилась «смелыми» ролями (читай – теми, где требовалось скинуть всю одежду по первому намеку режиссера). Сейчас актриса переживала кризис со стилем. Она стала первой клиенткой Эмили после того, как та ушла из «Подиума». Причем самой безумной – ее до сих пор никто не перещеголял. Через две недели должны вручать премию Гильдии киноактеров, а, по словам Ким, платье, которое Эмили заказала для нее у «Проэнза Скулер» – «не платье, а гребаный ужас». Кажется, за десять лет Эмили должна бы и привыкнуть – Ким истерила через раз, однако слишком уж внезапно актриса изменила мнение. Всего несколько недель назад на примерке Ким, весело щебеча, крутилась перед зеркалом. Они подобрали к платью туфли от «Шанель» и бижутерию от «Гарри Уинстон». Осталось только найти расшитый бисером клатч – левое дело!

Зажужжал телефон. Пришло новое истеричное сообщение от Ким:

«Ты только посмотри, какой кошмар!»

Эмили глянула на присланную фотку – Ким выглядела точно так же, как и две недели назад: великолепно!

«Ким, ты сдурела? Да ты вылитая диснеевская принцесса, только в сто раз сексуальнее!»

«Какая там принцесса, я – чудище лесное! Ты это знаешь, я это знаю, скоро все узнают!»

«Да брось! Это же “Проэнза”, они плохого не шьют».

«Значит, на этот раз сшили! Я жирная! Я в нем никуда не пойду!»

«Ладно, я тебя услышала!»

Наверное, Эмили сказала это вслух, потому что женщина за соседним столиком переспросила:

– Простите, что вы сказали?

– А? Извините, это я не вам.

Женщина отвернулась к подруге. Только теперь Эмили невольно вслушалась в их разговор. Они смотрели в телефоны, сверяя расписание.

– Здорово, что они теперь вместе учатся! Ужасно жаль, что не получилось перевести их в один класс пораньше. Элоди может по средам? Ты как?

– Не получится, у Индии фехтование. Как насчет понедельника?

– Ох, по понедельникам у нас все сложно. Я старших на плавание отвожу, а потом возвращаюсь обратно в школу и забираю Элоди после скрипки, а потом везу всех троих на курсы здорового питания. А что у вас на следующей неделе?

Вторая покачала головой:

– Едем в Дир-Вэлли кататься на лыжах. Нехорошо, конечно, детей опять с занятий выдергивать, тем более что только-только рождественские каникулы прошли, но Сайлас меня уговорил. Хоть я и сопротивлялась. Говорю ему, мы же в феврале в Вэйл поедem! Опять лыжи! Может, съездим в этот раз куда-нибудь, где потеплее?

Подруга кивнула:

– Как я тебя понимаю! Патрик такой же. Еле-еле уговорила его на Багамы поехать. Ему только озеро Тахо по душе. Но я сказала, хорош, тебе уже не восемнадцать, к тому же ты не один, детям надо этой зимой и в океане поплавать, не только же в бассейне бултыхаться!

Звякнуло уведомление об электронном письме. Оно вернуло Эмили к реальности. Опять Ким Келли.

«Камилла!

Я все сделала, как ты сказала! Но я больше НЕ МОГУ!!! Я люблю Эмили, ты знаешь. Мы с ней вместе проработали успешных десять лет, но она сдулась. Только слепой не увидит, что это чертов ужас, а не платье! А теперь она говорит, что надо искать что-то готовое, потому что шить на заказ времени нет!!!!!! Ты представляешь??? В готовом платье на церемонию Гильдии! Я слышала, что Оливия Белль хороша. Свяжись с ней и узнай, сможет ли она прилететь в ближайшие сутки. И напиши Эмили. Скажи как-нибудь помягче, что она уволена. Она мне правда нравится, но надо идти дальше. Будь с ней поласковее, ага? Целую!

Ким».

Эмили глазам не верила. Камилла – менеджер Ким. Что ж, все понятно. Дождаться письма от Камиллы или ответить Ким самой? Эмили колебалась примерно с полсекунды.

«Ким,

как я понимаю, у тебя кишка тонка самой меня уволить. Я таким не страдаю, так что скажу напрямую. Дело не в платье, не в дизайнере и не во мне. У тебя расстройство пищевого поведения. Ты весишь 41 килограмм, носишь второй размер и при всем при том считаешь себя жирной. Обратись за помощью, пока не поздно. Надеюсь, вы сработаетесь с Оливией.

Эмили Карлтон».

Она нажала «Отправить», не перечитывая. Первой мыслью было: «Вот и славно, что отвязалась». Но следом ее накрыла паника. Еще одна клиентка ушла к Оливии Белль. Еще одно громкое увольнение. Еще один шаг к тому, чтобы свернуть бизнес. Эмили быстро набрала письмо Майлзу, хотя она понятия не

имела, который час в Гонконге.

Подружки по соседству больше не пытались совместить детские графики. Каким-то непонятным образом беседа перескочила на тампоны, смоченные в водке.

– Слушай, я читала, что студенткам нравится. Но я как-то не соберусь с духом самой попробовать, – говорила мама Элоди. Она с ног до головы облачилась в спортивную одежду: кроссовки, легинсы для йоги, эластичная повязка на голове, толстовка, дулая жилетка.

На второй мамаше все то же самое, только волосы на затылке стянуты в тяжелый пучок. Склонившись к подруге, она зашептала:

– Ой, это очень круто! Лучше бери «Оби», у них аппликатора нет. Плюс еще в том, что при этом все калории, что в алкоголе содержатся, – мимо!

– Ух ты, круто! А с текилой пробовала? Я водку не очень люблю.

– В том и фишка! Какая разница, чем тампон пропитать, вкуса ты все равно не почувствуешь! А эффект всегда один и тот же, я пробовала. Бери что под рукой.

– Попробую на выходных. Слушай, а так ведь и тест ничего не покажет? Ты же алкоголь не в глотку заливаешь, правильно?

Эмили до ужаса захотелось вмешаться и объявить дамочкам, что они обе редкие тупицы. Какая разница, через желудок всасывается алкоголь или через вагину, содержание в крови будет одним и тем же! Но она сдержалась. За десять дней, проведенных в Гринвиче, ей всюду попадались одни и те же лица. Ругаться с людьми в любимившемся «Старбаксе» – не лучшая идея.

Эмили огляделась. Каждый день, начиная с семи утра, всех мужчин словно стирали с улиц лучами нового супер-секретного оружия, да так и не выключали его до полудня. Оставались лишь те, кому за восемьдесят, либо богатые настолько, что больше не притворялись, что работают, – правда, такие в «Старбакс» не заходили. Вокруг сидели одни женщины. Тридцатилетние катали колясочки и гонялись за малышами, сорокалетние дожидались

школьников после занятий, пятидесятилетние встречались с подругами поболтать за чашкой кофе, а шестидесятилетних приводили дочери или внуки. Вокруг мельтешили няни, помощницы по хозяйству и странноватые девицы чуть за двадцать, которые преподавали местным йогу или рукоделие. Ни одного мужика! Как же разительно здешняя обстановка отличалась от Лос-Анджелеса, где обитали сплошные фрилансеры – непонятно, работали эти люди вообще или нет. Эмили скучала по городу, однако город определенно не скучал по ней. Оливия Белль уже перехватила половину клиентов.

Зазвонил телефон. На дисплее высветилось: «Майлз».

– Эм? Привет, солнышко!

– Как я рада, что это ты, а не гадина, которая меня уволила!

– Тебя? Кто посмел?

Эмили рассмеялась.

– Ким Келли. Причем писала своему агенту, а мне по ошибке отправила, только представь!

– Шалава твоя Ким Келли!

– Ценю твою поддержку, дорогой. Но умоляю, не произноси больше это слово!

– Какое? Шалава? С каких пор ты такая чувствительная? Видимо, уже засиделась в Гринвиче!

– Может быть.

– Серьезно, с каких пор тебе не нравится слово «шалвава»? Что-то я не припомню, чтоб раньше...

– Просто никогда больше не говори «шалава»! – рявкнула Эмили так, что обе мамы за соседним столиком воззрились на нее. – Чего уставились?

- Это ты мне? - переспросил Майлз.

- Нет, не тебе! Вообще-то мне больше нравится термин «эскорт-девушка». Кстати, если захочешь выпить, пропитай тампон водкой и сунь себе туда! В Гринвиче все крутые мамы так делают!

Ошарашенные дамочки переглянулись.

- Что? Какой еще тампон? Какая водка? - недоумевал Майлз.

- Не важно. - Эмили сделала глоток остывшего латте. - Так ты где?

- Только что поужинал и пришел в отель. У меня такой классный номер, тебе бы понравился! Скорее бы тебя увидеть!

- Сама жду не дождусь. Видела фотки, отель и правда отличный.

- Я прилетаю в Лос-Анджелес в следующую пятницу. Ты уже вернешься?

- Конечно. Куда мне еще деваться, безработной и несчастной.

- Да брось, Эм! Подумаешь, Ким Келли. Актриса из нее, кстати, так себе.

- Вообще-то у нее три «Оскара» и два «Золотых глобуса». И она была моей лучшей клиенткой.

- Слушай, она просто паникует, оттого что стареет и толстеет. Ты тут не виновата, любовь моя! Все равно лучше тебя с безумными тетками никто не справится, я точно знаю! И все остальные тоже!

Ясно, что Майлз пытался ее подбодрить, однако Эмили отчаянно захотелось поскорее свернуть разговор.

- Милый, мне пора бежать. Мириам ждет.

– Ладно, солнышко, целую тебя! И запомни, Ким Келли – не та лошадь, на которую надо ставить. Радуйся, что от нее избавилась. Встретимся через пару недель. Постараюсь тебя развеселить. Запомни, ты – звезда!

– Ага. Звезда. Принято.

Эмили уже и забыла, когда в последний раз чувствовала себя так паршиво. Никогда ее не увольняли три важных клиента подряд. Еле выдавила из себя «целую» перед тем, как нажать «отбой».

Она уже собиралась захлопнуть ноутбук, когда пришло новое письмо. От Камиллы. С темой: «Прочти немедленно».

Значит, официальное увольнение. Быстро она, за три минуты управилась!

– Иди ты!.. – проговорила Эмили и нажала «Удалить», не открывая письма. Две мамочки, занявшие место прежних, но точно так же с головы до ног затянутые в «Лулулемон», уставились на нее, открыв рты.

– Чего надо? Своими делами занимайтесь, – огрызнулась Эмили. – Кстати, если решите выпить, вам мой дружеский совет – не суйте в вагину тампон с водкой, тест на алкоголь все равно не пройдет. Если вас остановят, придется продавать дом и валить отсюда, потому что остальные мамыши тут же перестанут с вами разговаривать, хотя сами в себя что попало пихают!

Эмили схватила ноутбук, поднялась с места и оглянулась через плечо.

– Хорошего дня! – сказала она, выставив средний палец, и гордо удалилась.

Важность новых друзей переоценивают. Особенно в пригороде.

Глава 8. Смотрины без младенца

Мириам

Мириам прокралась обратно в темную спальню и скользнула под одеяло. До чего хорошо! Совсем как в былые времена, когда они с Полом только встречались. По выходным спали до одиннадцати, потом выбирались за кофе в домашних свитерах и ныряли назад в постель, разобрав на страницы «Нью-Йорк таймс». Каждому – любимая рубрика. Сегодня среда, восемь пятнадцать утра. Считай, тот же выходной. Пол по средам работал из дома и не приступал к делам раньше десяти, хотя в другие дни вставал рано. Мириам придвинулась к нему, обняла и вдохнула родной запах. По утрам он пах очень приятно.

Муж улыбнулся, не открывая глаз, и пробормотал:

– Куда ты дела детей?

– Все трое в школе. Мы одни. Ну, еще Эмили, но она не считается. Намек ясен?

Рука Мириам скользнула под резинку его боксеров. Пол увернулся.

– Пора вставать, мне скоро позвонить должны. – Он чмокнул ее в губы и отправился в ванную.

Дверь закрылась. Через несколько секунд зашумел душ.

Мириам отбросила одеяло и вздохнула. Перед тем как разбудить мужа, она сменила растянутые легинсы и заляпанную йогуртом футболку на то, что после семи лет брака и троих детей вполне бы сошло за сексуальный наряд – хлопковая рубашка без рукавов на голое тело. Что еще этим мужчинам надо?

Мириам скользнула в ванную. Пол как раз вышел из кабинки после привычного быстрого душа. Ничего не скажешь, он все еще красив. Широкие плечи и узкая талия – последнее, кстати, даже раздражало! Пусть короткие волосы поседели, это лишь придавало ему шарма. И по-прежнему тело бегуна – хотя в последние дни бегом занималась одна Мириам, только без видимого результата.

– Ты чего подскочила? – любопытствовал Пол.

Он обернул бедра полотенцем и помазал под мышками дезодорантом.

Муж всегда поддерживал Мириам. И когда она работала юристом в «Скаддене» по восемьдесят часов в неделю, и когда наслаждалась жизнью, перейдя на более легкий домашний график. Сейчас он не ехидничал, а искренне интересовался ее планами. И все равно ей было неловко сообщать, что всего-навсего собирается на смотрины – знакомая мамаша устраивает праздник по случаю прибавления в семействе.

– Должно быть интересно, – промычал Пол со ртом, полным зубной пасты.

– Ну, да. Только очень странно, что смотрины в среду в одиннадцать утра. Такое ощущение, что никто не работает!

Пол прополоскал рот.

– Повеселись там! Ты заслужила. – Очередной дежурный «чмок», на этот раз в щеку. – Мне пора, а то звонок пропущу. Увидимся в три часа в школе.

– Спасибо, – проямлила Мириам, но Пол уже убежал.

Она порылась в шкафу. Сплошные наряды для офиса и куча спортивной одежды. Вот, пожалуй, и все. Мириам вытащила пару классических черных брюк и белую шелковую блузку. Обула черные босоножки с закрытым носом на низком каблучке, повесила на шею золотую цепочку, доставшуюся в наследство от покойной бабушки, посмотрела в зеркало, кивнула. Нейтральный ансамбль, уместный везде – от зала для совещаний до благотворительного завтрака. Однако когда Мириам прошла мимо Эмили, восседавшей на своем наблюдательном пункте в гостиной перед плоским экраном, подруга обернулась, держа в руке кружку с кофе, и скептически ее оглядела:

– Ты в этом пойдешь? Серьезно? Тебя же за официантку примут!

– Спасибо. Умеешь ты поддержать как никто. – Мириам подставила чашку под краник кофемашины и нажала на кнопку. – А ты куда собралась?

Эмили облачилась в кожаные легинсы, повязала вокруг талии объемный кардиган и обулась в ботинки на высоких каблуках.

– С тобой!

– Ну, конечно! – Мириам плеснула в чашку с кофе молока, оставшегося на дне миски, из которой кто-то из детей ел хлопья. – А если серьезно?

– Серьезно. Не могу больше дома сидеть! Ну, пожалуйста!

– Слушай, я же тебя к кровати не привязываю. Можешь приходить и уходить, когда захочешь. И до аэропорта подвезти могу.

– Знаю, знаю! Только Майлза не будет еще пару недель. А я терпеть не могу оставаться одна. Кроме того, у меня нет никаких моральных сил с кем-то встречаться после всей этой истории с Ким Келли. Не выгоняй меня. Мне здесь даже нравится. Наверное, я извращенка.

– Я тебя не выгоняю! Но на смотрины ты не пойдешь. Тебя не приглашали! Да и детей ты не любишь.

– Зато там винишко наверняка рекой будет литься. Так что ничего, справлюсь. Ну, пожалуйста! Я буду хорошо себя вести! – Эмили с деланным отвращением оглядела наряд Мириам. – К тому же одета я получше некоторых!

Мириам невольно рассмеялась.

– Ну, ты и сучка! Ладно, буду всем говорить, что со мной увязалась жалкая бездетная подружка в кризисе. Только держи язык за зубами. Попытайся ради разнообразия не спугнуть новых знакомых в первую же секунду.

Эмили кивнула на дверь.

– Пойдем, а то опоздаем.

Они ехали по Гринвичу. На первый взгляд он ничем не отличался от любого другого симпатичного американского городка, если не присматриваться к витринам – сплошные бренды: украшения, посуда, одежда, детские коляски. В единственном не сетевом магазинчике и то продавали меха. Повсюду припаркованы огромные внедорожники – сплошные «рэндж роверы» и «ауди».

Вскоре они заехали в «деревенскую» часть – на окраину города ближе к Бедфорду. Узкая улочка петляла среди деревьев. Мириам свернула на аллею, у обочины которой торчала табличка «Частная собственность». Аллея вела вверх по крутому холму, затем спускалась к лесу. Деревья расступились, и показался великолепный дом – настоящее загородное поместье. С водительской стороны вдруг возник симпатяга-привратник – ему бы больше подошли шорты и доска для серфинга, нежели униформа, – и забрал у Мириам ключи.

– Давай рассказывай, – велела Эмили, – что за сборище?

– Здесь живет мама одноклассника Мэйси. У нее недавно родился четвертый ребенок. Мы с ней не очень близко знакомы, но меня позвала Эшли, тоже одна из мам. Она сегодня все организует.

– Я, конечно, не особо разбираюсь, но я думала, что после первого ребенка вечеринок по поводу беременности не устраивают.

– Она уже родила! Это смотрины! К тому же мы в Гринвиче. Здесь любой повод хорош, чтобы выпить днем.

Дверь открыла полная горничная в черных брюках и белой блузке. Эмили обернулась к Мириам и выразительно приподняла бровь.

Их провели через просторную кухню в огромную оранжерею, от которой просто дух захватывало. Стеклянная крыша, стеклянные стены. Через заднюю дверь открывался вид на заснеженный двор. Вокруг экзотические растения в расписных кадках – кактусы, орхидеи, стрелитии – и летающие всюду экзотические птицы. Среди всей этой тропической красоты собралось около шестидесяти невероятно похожих друг на друга женщин. Они сидели в мягких креслах и на жестких скамьях, стояли группками по трое или четверо, попивали коктейли. Каждая – по-своему безукоризненна, и все одеты точно так же, как Эмили. Смазливые официанты разносили напитки и легкие закуски – фрукты на шпажках, йогуртовые пирожные. Весь декор в оттенках розового. Больше на детскую тематику ничто не намекало – ни детской бутылочки, ни подгузника.

– Мы как будто на съемки «Отчаянных домохозяек» попали, – прошипела Эмили. – Только никто не вопит. Да и со вкусом у этих получше.

Мириам не успела ответить. К ней подошла Эшли – та самая мамочка из класса, воплощенная беззаботность. Беззаботная блондинистая стрижка-боб, беззаботно торчащие сиськи, беззаботная улыбка с безупречно отбеленными зубами. Симпатичная девчонка из соседнего двора, у которой хватило вкуса не вырядиться в короткое платьице и косуху. Великолепные и притом не вульгарные бриллианты. Легкий загар. Аромат духов чувствуется, но не бьет в нос. От нее так и веяло искренним, ничем не замутненным счастьем.

– Мириам! Как хорошо, что ты приехала!

Эшли повернулась к Эмили без тени недоброжелательности.

– Привет! Я – Эшли. Мы, кажется, незнакомы...

Мириам залепетала, оправдываясь, что привела гостью без приглашения, но Эмили уже натянула сногшибательную улыбку.

– Эшли! Мириам столько о вас рассказывала! Говорит, вы ее опекаете! Меня зовут Эмили Карлтон, я приехала из Лос-Анджелеса. Мириам сжалилась и взяла меня с собой, чтоб я не сидела дома одна. Надеюсь, вы не возражаете?

Эшли как будто поразило ударом молнии.

– Стойте! Вы – Эмили Карлтон? Та самая?

Мириам едва не рассмеялась, подметив, что притворная улыбка на лице подруги тут же превратилась в искреннюю.

– Мы знакомы? – скромно поинтересовалась та.

– Нет-нет, что вы! В смысле, откуда вам меня знать... Я просто обожаю моду, хотя, конечно, по этим старинным шмоткам и не скажешь... В общем, я читала про вас! Слежу за вашей карьерой еще со времен «Подиума». То, что вы сделали с Ким Келли, – просто обалдеть! До того как вы за нее взялись, она была просто жалкой!

Мириам заметила, как Эмили стиснула челюсти при упоминании о Ким Келли. Беспечная беседа грозила перетечь в неприятное русло. Не успела Эмили и рта раскрыть, как Мириам потянула ее за руку.

- Эшли, мы сейчас вернемся. Я только познакомлю Эмили с хозяйкой.

Она оттащила подругу в другой конец оранжереи и предостерегла:

- Веди себя хорошо, ты обещала!

- Ладно, мамуль! - Эмили закатила глаза. - Только сама видишь, что от поклонниц нет отбоя.

Раздался звон. Эшли постучала вилкой о хрустальный бокал.

- Леди, время пришло!

Гости подняли бокалы. Мириам услышала, как сзади одна дама шепнула другой:

- Она всегда хотела девочку, но с третьим ребенком не получилось, поэтому в четвертый раз они зачали через пробирку, чтобы наверняка. К чему мы все притворяемся, что пол ребенка стал таким уж сюрпризом?

- А теперь Кристина откроет подарки! - возвестила Эшли. - Крис, с чего начнем?

Все повернулись к столику, на котором лежало на удивление мало коробочек. Мириам насчитала всего три, включая ее собственную.

Кристина взяла открытку с первого подарка, завернутого в прелестную бумагу с цветочным принтом. К коробке был прикреплен букет пионов. Кристина прочла открытку, объявила, что подарок от свекрови, разорвала упаковку и показала всем серебряную погремушку, ложечку и чашку.

- На них на всех выгравировано «Роза»! - прибавила с места худенькая пожилая женщина в юбке от «Шанель».

Кристина послала ей воздушный поцелуй и развернула следующий подарок.

– Ой, Марта! Зачем ты! Право, не стоило! – взвизгнула она, продемонстрировав собравшимся купальное полотенце с капюшоном, отделанное розовым кружевом. Кристина махнула рукой даме в белой блузке и черных брюках, которая встречала гостей у входа. Та подошла, скромно потупив взгляд. – Какая прелесть! Мне очень нравится. – И Кристина клюнула ее в щеку.

Горничная смущенно улыбнулась и поспешила прочь. Кристина передала подарок Эшли. На простеньком полотенце не было монограммы, его сделали не из египетского хлопка и купили не во французском бутике. Даже Мириам понимала – шансы на то, что в него завернут хозяйскую дочку, стремился к нулю.

– Держи! – Эшли протянула Кристине последний подарок – от Мириам.

Та быстро распаковала коробку и показала гостям содержимое: двое розовых ползунков на молнии – Мириам считала, что молния гораздо удобнее, чем кнопки, – шапочку и пару пушистых розовых пинеток. – Какие милые! Спасибо, Мириам! Подарок – просто чудо!

Кажется, Кристине и вправду понравилось. Мириам вздохнула с облегчением. Но где остальные? Почему на столике нашлись только коробки от свекрови, Мириам и экономки?

Гости зашептались. Кристина оживилась.

– Итак, леди! Вот и настал момент! Кристина, это от нас от всех! – Эшли вопила, словно чирлидерша на футболе.

Только теперь Мириам заметила – в углу стоит что-то большое, прикрытое розовым одеялом. «Качели?» – подумала она. Наверняка современные и навороченные, которыми можно управлять со смартфона и синхронизировать с музыкальным приложением «Спотифай». В наше время чего только не придумают. Там может быть и встроенная камера, и ароматизатор.

– В общем, мы знаем, – начала Эшли, – что ты вернешься к тренировкам уже через пару недель, а с четырьмя детьми в спортзал не так просто выбраться, так

что... Та-дам!

Она сдернула одеяло, под которым оказался новехонький велотренажер от «Пелотон». Рядом – столик с огромной плетеной корзиной. В ней обнаружился набор дополнительных педалей, белые кроссовки, бутылочка для воды и два объемных пакета с логотипом «Лулулемон». Кажется, кто-то просто скупил весь спортивный магазин.

– Боже, я именно о таком мечтала! – в экстазе заверещала Кристина. – Спасибо вам, дорогие!

Гости захлопали и стали по очереди подходить и обнимать хозяйку.

– А где же ребенок? – прошипела Эмили. Немного громковато, по мнению Мириам. – Даже в Лос-Анджелесе, уж до чего противный город, на смотрины принято приносить детей!

Мириам огляделась, и тут в кармане зажужжал телефон. Она испугалась, что звонит кто-то из школы. Но на экране засветилось уведомление о встрече. Она настроила оповещения, когда только начала работать в юридической фирме, чтобы ни за что не пропустить еженедельный ланч, за которым они с партнерами делились новой информацией по текущим делам. Они собирались каждую среду в двенадцать тридцать. Мириам терпеть не могла эти ланчи и ужасно их боялась, однако почему-то так и не отключила уведомления. А теперь, в этой шикарной оранжерее среди тропических растений и стильно одетых женщин, поглощающих изысканные закуски и попивающих с утра коктейли, она вдруг заскучала по пыльному конференц-залу, суетливым партнерам и сухим сэндвичам с индейкой. Пусть всего на мгновение, но все же.

Эмили подняла бокал с шампанским.

– Не пойми меня неправильно, я с удовольствием выпиваю и без всяких младенцев, но, черт возьми, это же смотрины!

К ним подплыла Эшли со свертком из кашемирового одеяла в руках.

– А вот и малышка Роза! – воскликнула Мириам и бросилась навстречу, а Эмили, наоборот, отшатнулась.

Эшли недоумевающе подняла глаза на Мириам.

– Что? А, нет. – Она бросила одеяло на диван и посмотрела на подруг, как на безумных. – Это подарок.

– Ясно, – кивнула Мириам.

– Слушайте, можете мне помочь? Нужно раздать подарки гостям. Мы заказали бутылочки для воды с надписью «Роза» и упаковали каждую с бутылочкой розового вина. Ну, игра слов: Роза – розе. Прикольно, да?

– Не то слово! Продолжим вечеринку! – Эмили выразительно повела бровью.

Мириам метнула на нее строгий взгляд и повернулась к Эшли:

– Конечно, с удовольствием поможем!

Глава 9. Романтические отношения

Каролина

Каролина ужасно устала изображать из себя хорошую девочку. Что сделал этот дубина Трип? Лишь напомнил, что, по сути, у нее нет никаких прав. Она по-прежнему находилась в подвешенном состоянии, никто ничего толком не говорил. Сколько еще ей послушно сидеть в Гринвиче в надежде увидеть Гарри?

Сил не было даже на то, чтобы подняться с постели. Уютное одеяло, набитое лебяжьим пухом, весило будто тысячу фунтов. И ноги тоже. Даже до ванной и то не дойти. Каролина не принимала душ вот уже двое суток. Она вся заросла щетиной – в таких местах, что и сказать неприлично, – а язык во рту словно

весил тонну. Каролина понимала, что это депрессия. Приступы периодически накатывали во время бесконечных попыток зачать ребенка, однако нынешний был в десять раз сильнее.

Пульт от телевизора казался неподъемным. Каролина даже не могла выключить «Си-эн-эн». Сегодня новостей было немного, судя по тому, что они бесконечно обсуждали новый законопроект о здравоохранении, разработанный Грэмом. Так называемые эксперты, сторонники и противники закона, садились за стол ведущего Андерсона Купера и рассуждали о том, спасут нововведения Америку или разрушат до основания всю систему. Каролина смотрела дебаты уже в четвертый раз. Никто не сказал ничего нового или интересного. Она бы лучше посмотрела шоу Эллен Дедженерес или какой-нибудь сериал. Или вообще полежала в тишине, но пульт затерялся где-то в тяжеленном одеяле, а искать его не было никаких сил. Каролина бездумно уставилась на уродский современный светильник, который выбрал Грэм. Гладкие автоматические жалюзи на окнах напоминали о больничной палате. Когда-нибудь она соберется с силами и выбросит все это к чертовой матери.

Каролина не заметила, как задремала. Из забытья ее вывел голос Грэма.

– Грэм? – выкрикнула она, рывком подняв голову.

Нет ответа. В комнате все по-прежнему. Она бросила взгляд на экран. Ее муж гордо восседал за столом Андерсона Купера. Всех прочих экспертов вывели из студии, расчистив для него сцену.

– Да-да, Андерсон, я вас услышал, – Грэм кивнул с серьезным видом. – Меня, как и всех американцев, тоже заботит этот вопрос. Но сейчас время отбросить страхи и сомнения и поступить правильно, а мы все знаем, что это верный шаг.

Каролина рухнула на подушку и вздохнула. Откуда у мужа этот костюм? Всю одежду ему покупала она, а этот костюм видела впервые. Самое досадное, что он отлично на нем сидел.

Началась реклама. Каролина собралась с силами, чтобы отыскать пульт. Как тут смотреть на отвергнувшего ее супруга, если и так захлебываешься жалостью к себе? Они не виделись три недели, а такое чувство, будто три года.

– Для тех, кто только что переключился на наш канал: у нас в гостях младший сенатор штата Нью-Йорк от Демократической партии Грэм Хартвелл, автор законопроекта Хартвелла-Конноли. Спасибо, что пришли, сенатор!

– Всегда с удовольствием, Андерсон! – любезно улыбнулся Грэм. Даже в прямом эфире он чувствовал себя, как рыба в воде.

– Итак, перед рекламной паузой мы обсуждали, как повлияет закон Хартвелла-Конноли на определенные слои населения. Республиканцы настаивают на исключении психических расстройств и всякого рода зависимостей из случаев, покрываемых стандартной страховкой. Каким образом ваш закон защитит тех, кто нуждается в помощи?

Грэм вроде как призадумался.

– Знаете, Андерсон, мне кажется, что исключение психических расстройств и зависимостей беспокоит американцев гораздо сильнее, чем предполагают сидящие в Вашингтоне. Взять, например, мою собственную ситуацию. Вы, наверное, слышали о неприятностях, которые возникли у моей жены в начале месяца?

Камера взяла крупным планом лицо Андерсона, на котором сперва проступило удивление, а затем ликование. Сенатор добровольно заговорил об аресте жены за вождение в нетрезвом виде! Он сказал «наверное, слышали», хотя в январе все СМИ только об этом и гудели! Злосчастный эпизод обсудили и политические эксперты, и журналисты, и стендап-комики! Джимми Фэллон сочинил об этом целый монолог.

Андерсон взял себя в руки. Его не так просто удивить. При других обстоятельствах Каролина поаплодировала бы мужу.

– Разумеется, – ответил Андерсон подобающим случаю скорбным тоном. – Вам пришлось нелегко.

– Еще бы. Моя жена серьезно больна. Я долго шел к пониманию того, что алкоголизм – болезнь, но мне это удалось. У нее было множество возможностей обратиться за помощью, гораздо больше, чем у обычного американца, я это признаю, но она тем не менее все время подвергала опасности себя и

окружающих. Я многие годы пытался помочь. И если бы речь шла только обо мне... – Голос Грэма надломился. Любой бы поверил, что у него и впрямь перехватило дыхание.

Раньше Каролина с трудом двигалась, а теперь ее и вовсе парализовало. В голове вертелись страшные слова – «алкоголизм», «болезнь», «опасность».

– Простите? – с участливым видом прервал паузу Андерсон.

Должно быть, впервые за все время, что передача шла в эфире, гость – причем не кто-нибудь, а сенатор Соединенных Штатов – охотно делился восхитительно непристойными подробностями из личной жизни.

– Дело в том, что я не один. У меня есть сын, и я должен о нем заботиться. Разве хороший отец подвергнет своего ребенка опасности из-за романтических отношений?

С губ Каролины сорвался крик. Неужели это ее голос? Неужели Грэм сейчас назвал десятилетний брак романтическими отношениями, а Гарри своим сыном, а не их общим?

Андерсон откашлялся и подобрался, словно лев перед прыжком.

– Вы хотите сказать, что ваш брак...

Грэм сцепил руки и опустил взгляд.

– Когда любишь, на многое готов закрыть глаза. Но я больше не вижу для нас будущего.

– Ясно, – сказал ведущий, хотя, судя по лицу, ничего не понял.

– Кто-нибудь помнит вообще, что разговор о чертовом законопроекте? – выкрикнула Каролина.

Андерсон словно услышал.

– Мы ненадолго прервемся. Надеюсь, сенатор, вы останетесь с нами, чтобы обсудить ситуацию... и прочие аспекты более подробно?

– Конечно, буду рад, – кивнул Грэм.

Зазвонил телефон. Ребекка, агент Каролины, которая наставляла ее, когда та работала моделью. Каролина помнила, что по телевизору у Ребекки в офисе круглосуточно вещал «Си-эн-эн». Наверняка она увидела интервью Грэма. Пока Каролина размышляла, ответить или нет, включилась голосовая почта. Следом позвонила тетушка. Каролина перенаправила и ее звонок, и два следующих на голосовую почту, потом выключила телефон. Она зарылась в одеяло и тут заметила пятно крови размером с яблоко. Каролина глянула на пижамные штаны. Точно! Как она раньше не сообразила!

Тяжело вздохнув, она скатилась с постели и поползла в ванную. Бросила запачканную пижаму в раковину и включила холодную воду, а сама встала под душ. Собрав последние силы, потерлась мочалкой и заставила себя побрить участки, требовавшие внимания. Затем завернулась в банное полотенце, пошла назад в спальню, отыскала чистые трусы и фланелевую пижаму и тут обнаружила, что у нее закончились тампоны.

– Черт! – Каролина отмотала длинный кусок туалетной бумаги, сложила его в несколько раз и сунула в трусы, как делала в школе, когда забывала взять с собой прокладку.

Еще нет и пяти вечера, а в доме больше никого. Супруги, которые присматривали за ним, звонили несколько раз и спрашивали, нужна ли помощь, Каролина заверила их, что справится сама. Уборщица приходила по утрам несколько раз в неделю, но по пятницам она не работала. Выбора нет, придется идти самой. Каролина неохотно потащилась в кухню. Не в силах сопротивляться порыву, схватила айпад, зашла в электронную почту, листнула вниз, чтобы обновить сообщения. Последнее пришло от тети. В теме – длинная строчка из вопросительных знаков. Больше ни слова, только прикрепленная фотография. Качество снимка оставляло желать лучшего – тетя пересняла фото на телефон и отправила по электронке, – но Каролина сразу же узнала заснятых мужчин. За столиком вашингтонского «Кэпитал Прайм» – ресторана, в котором обедали политики, – собрались Трип, Грэм и начальник его предвыборного штаба Джозеф. А рядом с Грэмом сидела «Снежная королева» Риган. Она смотрела на Грэма и смеялась, запрокинув голову. Грэм держал в руке вилку и нож и тоже

скалился во весь рот. Вряд ли его так впечатлил жареный лосось. Все четверо одеты в строгие костюмы. На первый взгляд всего лишь невинный деловой ланч. Обывателю вряд ли пришла бы в голову мысль: «Да эти двое спят вместе!» Однако Каролина готова была биться об заклад, что так оно и есть. Похоже, тетя тоже так подумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vaysberger_loren/lozh-latte-i-leginsy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)